

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

В ЧЕСТЬ ПРАЗДНИКА СВЕТА

В концертном зале "Бейт-Гранд" состоялись концерты "Мы и наши друзья", посвященные Хануке — празднику Света, которые из-за множества желающих посетить их повторяли дважды.

Ведущая концертов директор Культурного центра Хеседа А.Розен поздравила зрителей с праздником и пожелала им здоровья, счастья, света.

Хор Хеседа "Файерлех" открыл концерт песнями "Молитва" (слова В. Бондарчука, музыка В. Ульяш), "Свечи Хануки" (слова М. Аптекарь, музыка В. Ульяш) и задорным "Фрейлехсом" в переводе на идиш И. Жеребкера.

Тепло был встречен заслуженный работник культуры Украины, поэт, журналист Р. Бродавко, который читал свои стихи об Одессе, полные веры в светлое будущее нашего города.

В исполнении лауреатов и дипломантов многих фестивалей И. Шафир, И.Фавинской и Л.Шницер-Костеняк ярко и проникновенно прозвучали "Баркарола" Жака Оффенбаха из оперы "Сказки Гофмана", стихи А.Шафира о Хануке и песня А.Чернера на слова С.Вайнבלата "Да будет свет!".

Трио "Кармен" в составе Г. Видманской и Е. Козловской (гитара), И. Александровской

(вокал) представило на суд зрителей ханукальные песни. Ансамбль "Фрейлехс" под

На сцене (слева направо): С.Потапенко, И.Жеребкер, И.Александровская

руководством Л. Филипповой показал впечатляющий танец со свечами.

Шквалом аплодисментов наградили зрители скрипичный ансамбль "Одесса-леди", исполнивший еврейские мелодии.

Концертный номер "Реклама" из репертуара Яна Алвазорова показал юный Э.

Стур. А потом он с отцом Е.Стуром порадовали зрителей искрометным, задорным и веселым танцем с куклами "То ли люди, то ли куклы".

Необычным было выступление лауреата международных конкурсов, участника проекта "Новые имена" под патронатом выдающегося музыканта В. Спивакова, М. Любачевского, который исполнил композицию Шарля Азнавура "Вечная любовь" и популярную тему великого джазмена Луи Армстронга, мастерски сочетая саксофон со степом.

Иосиф Жеребкер вместе с И. Александровской и С.Потапенко как всегда живо исполнил сценки, выступив в ролях бабелевских героев — биндюжника Менделя Крика и его сына Бени — короля налетчиков. А руководитель театральной студии Хеседа "Одесские дворики" М.Крупник спел куплеты о назначении артиста.

В заключение концерта детский ансамбль "Кохавим" ("Звезды"), которым руководит Б.Замчуковская, исполнил песни о Хануке, а солировал В.Скальский.

Каждый номер концертной программы вызывал дружные аплодисменты зрителей.

Праздник Света и творчества

Детская программа Хеседа организовала для своих клиентов празднование Хануки, в рамках которого была проведена и выставка-конкурс рисунков "Ханука — праздник света".

Авторами рисунков были дети — клиенты программы в возрасте от 1 года до 18 лет. А собрали их работы, смонтировали выставку и провели конкурс кураторы программы И. Берхштейн, Г.Ролл и Ю.Резник при деятельном участии руководителя Культурного центра Хеседа А.Розен.

Выставка рисунков была развернута в холле Хеседа и в праздничные дни радовала всех, кто приходил сюда, яркостью своих красок, чистотой и непосредственностью детского восприятия окружающего мира.

В жюри конкурса входили известный одесский художник В.Барсков, генеральный

директор БФ "Хесед Шаарей Цион" А.Кесельман, координатор "Джойнта" А. Ятвецкая, редактор газеты "Доброе дело" С.Вайнблат, которые по достоинству оценили представленные на их суд работы наших юных художников.

На этой выставке каждый рисунок был по-своему хорош, но всеобщее внимание привлекли работы Анастасии Котовой (14 лет), Павла Кисселеса (12 лет), Алины Зазулинской (6 лет).

На празднике подвели результаты конкурса, победителями и призерами которого стали все участники в номинациях "Талант", "Солнечность", "Праздничность", "Зрительские симпатии", "Вдохновение". И все получили подарки и билеты в дельфинарий, чтобы, приобщившись к творчеству, они прикоснулись и к живой природе.

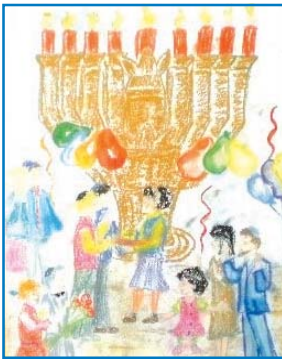

Рисунок А.Котовой

На празднике 140 ребят играли, веселились, слушали песни, которые для них исполняли Л. Шницер-Костеняк, И.Фавинская, И. Шафир. А потом детский оркестр "Очумелые ручки" на отвертках, молоточках и других инструментах из детского набора сыграли песню "Севивон".

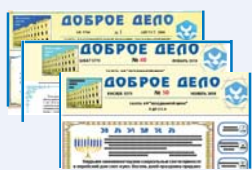

Выступают "Очумелые ручки"

Не все участники этого праздника будут в своей взрослой жизни профессионально заниматься живописью или музыкой, но радость творчества должен ощутить каждый, и чем раньше, тем лучше.

Юлия Резник

О работе, службах и программах БФ "Хесед Шаарей Цион" читайте на сайте www.hesed-odessa.com

ВНИМАНИЕ! Продолжается подписка на газету "ДОБРОЕ ДЕЛО" на 2011 год.

Стоимость — 6 грн 30 коп., подписной индекс — 09720

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" — 73740-21; Служба "Питание" — 737-40-11; Программа "Медицина" — 737-40-32; Культурный центр — 737-40-13; Служба волонтеров — 737-40-24; Дневной центр — 737-40-30; Газета "Доброе дело" — 737-40-12

Только добрые чувства 2 стр.

Тепло "Теплого дома" 2 стр.

И художник, и поэт... 3 стр.

Уроки языка идиш 3 стр.

Наша гостиная 4 стр.

Семен Вайнблат "Памятник неизвестному спасителю" 5 стр.

Ростислав Александров "Хорошо забытое старое" 6-7 стр.

Вера Инбер "Место под солнцем" 8 стр.

Ростислав Александров "Что в имени твоём?" 9 стр.

Семен Липкин "Записки жильца" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

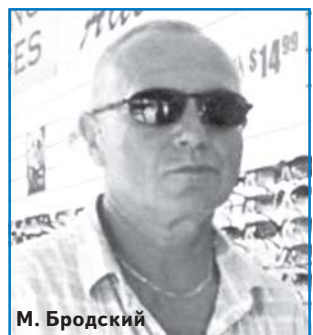
Тепло “Теплого дома”

Немало самых различных программ БФ “Хесед Шаарей Цион” ориентированы на работу с клиентами преклонного возраста. В каждом районе Одессы созданы и уже не первый год успешно работают “Теплые дома”, которые помогают их посетителям преодолеть одну из самых страшных бед, которые выпадают на долю человека, — одиночество и, как следствие, дефицит общения. С удовольствием, радостью и благодарностью приходят в наши “Теплые дома” самые разные люди, в том числе люди творческого труда — музыканты, певцы, поэты. И регулярные встречи в них проходят на высоком эмоциональном и культурном уровне. Здесь читают и разъясняют друг другу отдельные главы Торы, знакомятся с достойными внимания литературными новинками, встречаются с известными и интересными людьми. Посетители “Теплых домов” вместе приходят в синагогу, бывают на концертах, посещают театры.

Считаю своей удачей возможность рассказать читателям о “Теплом доме” Киевского района и его хозяйке Маре Вайншток. Это она с энтузиазмом своим и целеустремленностью создает в нем животворную атмосферу дружбы и доброжелательности, тщательно продумывает и обеспечивает проведение каждой встречи. Более того, она все это делает так, что посетителям хочется стать не только благодарными “Теплому дому”, но и в меру сил и возможностей — активным его участником, потому что каждому есть чем поделиться, что вспомнить, рассказать и обсудить со своими новоприобретенными друзьями.

И никто никогда не отказывается выступить в нашем “Теплом доме”, за что мы искренне благодарны музыкантам Шер-Бруку, Симоне Яхенко, скрипачу Якову Полищуку, Татьяне Марковой, которая мастерски читает сатирические стихи и исполняет пластические танцы, Галине Гуральчук, одаривающей нас прекрасными песнями. Радуют нас своими выступлениями Аделина Бендерская, Ева Шпитальник, Ада Гринштейн, Рита Дмитриева, Жанна Кончик, Рая Васильева.

Надолго запомнилась нам встреча с поэтом Михаилом Бродским, человеком интересной судьбы: он родился в Одессе, учился в Ленинграде, теперь живет в американском городе Сан-Диего. Он читал нам свои стихи и рассказы, которые полны неистребимого одесского юмора, и вместе с нами пел песни о его и нашей Одессе. Более того, посетители “Теплого дома”, которые в этот день стали поклонниками его таланта, могли получить новый сборник Михаила Бродского “Стихи, рифмы, хохмы и проза” с его автографом.

М. Бродский

Бродского “Стихи, рифмы, хохмы и проза” с его автографом.

А посетители “Теплого дома” тоже не остались в долгу: одарили гостя одесскими анекдотами от Полины Бендерской, а Галина Ефимова прочитала стихотворение “Березка”. И расстроганный земляк наш, на всю жизнь оставшийся одесситом, прочитал свое пронзительно искреннее, можно сказать, исповедальное стихотворение:

Забыть любимый город не могу,
И гуще стала времени завеса.
На тихоокеанском берегу
Я снова вывел на песке: “Одесса”.

Что-то радостное было в этой встрече, а что-то, конечно, грустное, но неожиданно для нашего гостя она закончилась танцами, а это о многом говорит.

Жермена Гуляева

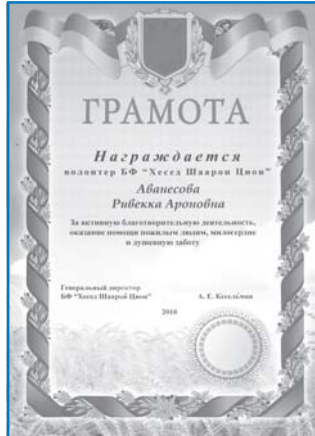
Только добрые чувства

Мы не раз уже писали о волонтерах БФ “Хесед Шаарей Цион”, но сколько ни пиши о благородном труде этих людей, никогда не покажется много, поскольку без них работа Хеседы просто немыслима. И какими знаками внимания ни одаривай их, тоже не покажется много.

На Хануку Хесед пригласил своих волонтеров на праздничную встречу в еврейском ресторане “Розмарин” на Малой Арнаутской улице, на которой было когда-то четыре синагоги, и в каждой из них наши предки праздновали Хануку.

И теперь, уже настроив себя на праздник, волонтеры пришли в приподнятом настроении, нарядно одетые, полные ожиданий, которые сполна оправдались.

От имени администрации Хеседы начальник отдела проектов и программ материального и нематериального комплекса Ирина Верведа сердечно приветствовала собравшихся, поздравила их светлым праздником Ханука и вручила грамоты волонтерам, награжденным “за активную благотворительную деятельность, оказание помощи пожилым людям, милосердие и душевную заботу”. А потом начался концерт, без которого по давно сложившейся традиции не проходит ни один праздник, который устраивает Хесед. Его вела Анна Розен, и зрители дружными аплодисментами награждали выступавших заслуженного артиста Украины Александра Кузнецова, Иосифа Жеребкера, Таисию Зборовскую, Зория Харлампиди. Играла музыка, и те, кто не мог не танцевать, танцевали, а танцы, нужно сказать, есть непременный атрибут настоящего праздника. И стол был накрыт под стать причине, по которой люди собрались здесь, — не самое это главное, но, как говорится, а все-таки приятно. Все это долго длилось, но время, проведенное с друзьями и коллегами, как оно всегда бывает, прошло быстро, наступил вечер и час зажигания ханукальных свечей.

Но волонтеры расстались не надолго. В праздничные дни в зале Одесской киностудии для них был организован просмотр художественного фильма “Концерт”, созданного французскими и румынскими кинематографистами и рассказывающего об одной совершенно невероятной истории, случившейся в советские времена с евреями-музыкантами Большого театра. Сказать, что фильм понравился, — ничего не сказать, потому что вызвал он бурю эмоций.

Устроители праздничного вечера и просмотра фильма организовали их в знак благодарности волонтерам, которые были искренне благодарны устроителям. И это прекрасно, когда люди испытывают друг к другу только добрые чувства.

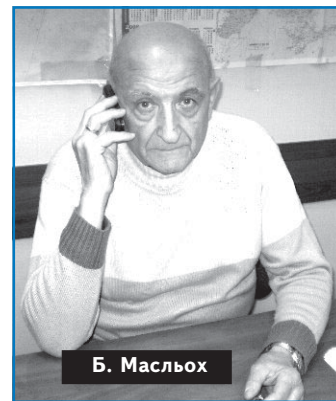
Надежда Гасилина

Такая наша служба

В нынешнее стремительное время появляется много новых возможностей, вещей, понятий и слов. К примеру, логистика. Ее функцией применительно к нашей службе является обеспечение хранения и перемещения материальных ценностей — продуктов питания, средств ухода за больными, реабилитации и т.д. Водители двух наших автомобилей “Газель” Александра Кочерги и Михаила Петруня выпадают основная нагрузка по доставке пищевых продуктов на склад, а после формирования из них наборов — обедают и выслушивают от них клиентов Хеседы, живущим в Одессе, Балте, Белгороде-Днестровском, Овидиополе и др. Недавно, когда Измаильский Хесед стал отделением Одесского, этим же водителем пришлось сутки переехать к клиенту Хеседы, а также того, что нужно для работы самого отделения из одного помещения в другое, совершая более десяти ходок.

Водители Марк Гофман и Яков Вайндорф в любую погоду регулярно доставляют продукты клиентам Хеседы, которые получают их на дому, а Наталья Бускас и Владимир Богданов так же регулярно и, притом, быстро привозят клиентам горячие

обеда и выслушивают от них только слова благодарности.

Б. Масльох

Не могу не назвать работников склада Лидию Давыдову и Григория Письменного. Они находятся, как говорится, “за кадром”, поскольку клиенты с ними практически не общаются, но в той помощи, которую Хесед им оказывает, есть изрядная доля их труда.

Благодаря всем этим людям и работает наша служба с “хитроумным” названием “Логистика”.

Менеджер по логистике
Борис Масльох

День уважения и памяти

Словосочетание “выездное заседание” обычно ассоциируется с осуществлением правосудия, но для членов клуба “Одессика” при Культурном центре Хеседы оно приобрело другой смысл. Выездное заседание клуба прошло в Народном музее истории милиции Одессы и области, который был открыт ровно тридцать лет назад стараниями генерал-майора милиции Н. П. Водько и первого директора полковника милиции В. Г. Давиденко.

В юбилейном году музей посетили восемь тысяч человек. И без того высокий интерес к музею возрос после выхода на телеэкраны сериала “Ликвидация”, главный герой которого подполковник Давид Гоцман напомнил старожилам сотрудника одесского уголовного розыска, профессионала высокого класса Давида Курлянда. Это, конечно, не случайно, но в образе Гоцмана сказались и черты многих одесских розыскников, которые в первые послевоенные годы обеспечивали спокойствие и порядок в городе, за что недавно им и был поставлен памятник возле входа в музей на Еврейской, 12.

В ходе экскурсии нынешний директор музея полковник милиции в отставке В. Г. Ковтун и полковник милиции в отставке, ветеран войны, член клуба Хеседы “Фронтное братство” И. Г. Бондарев показали нам экспозицию, посвященную памяти одесских милиционеров, погибших на боевом посту, рассказали много из того, что, честно говоря, не всем известно: о работе в розыске поэта Э. Багрицкого и Е. Катаева, оставшегося в литературе под псевдонимом Евгений Петров, об Осипе Шоре, многие черты которого авторы популярных романов придали своему герою Остапу Бендеру, о том, как подделывали в Одессе деньги, какую форму носили милиционеры в давние годы и каким оружием они были вооружены.

В музее выставлены сотни экспонатов, и чтобы всё осмотреть, обдумать и прочувствовать, нужно прийти туда не один раз, не только удовлетворяя собственный интерес, но и отдавая дань уважения и памяти землякам, труду и мужеству которых мы многим обязаны.

Жанна Михайлова

И художник, и поэт...

Познакомившись с талантливым одесским художником Галиной Мещеряковой, директор Культурного центра Хеседа Анна Розен была приятно удивлена, узнав, что автор портретной живописи и тонких пейзажей пишет еще стихи и музыку. На основе ее многогранного творчества была создана яркая музыкально-поэтическая программа. В ней участвовали заслуженный работник культуры Украины литературовед Валентина Ковач, мастер художественного слова Елена Куклова, член Театральной студии "Одесские дворики" Ирина Александровская и друзья Г. Мещеряковой М. Соколова и Т. Потапова, впервые выступившие в стенах "Хеседа" и покоровшие присутствующих тонким пониманием творчества художника, поэта, композитора. Ученица II класса музыкальной школы им. П. Столярского, лауреат Международного конкурса еврейской песни в Киеве Клара Меламед под впечатлением стихов Г. Мещеряковой создала музыкальную картину, наполненную прозрачностью осеннего неба, раздумьями об уходящих красках и легким дуновением озорного ветерка, прошумевшего и умчавшегося в цветном кружении опадающей листвы.

Осень присутствовала в нескольких представленных произведениях поэзии, прозы и музыки. "Ночь осенняя узорна... тихо, пусто, спит туман... осени глаза глядят из хмурых туч." Так можно говорить о том, что близко и любимо. Картины природы возникают и в стихах, положенных на музыку. Это и заглянувшие в окно, усеянные

веселыми птицами "Две ветки" и "Моя стихия", когда после разыгравшейся бури вдруг "в синем просторе душа замирает". Это, наконец, яркая музыкальная зарисовка "Восточные напевы". В жаркой южной степи Украины, в лучах заходящего солнца, в душе художника зарождается таинственная мелодия, создавая удивительный женский образ. И вот уже перед глазами "с улыбкой прошла Реббека".

Любовь к природе очень ярко прослеживается и в картинах Галины Мещеряковой. Ее "Лодки", "Солнечный день", "Дачный уголок" и другие, с которыми можно было познакомиться по каталогам и буклетам, наполнены нежным светом ярких красок. Галину Семеновну подчас занимают мысли о том, кем станем мы — веткой, каплей, пылью, цветком, когда покинем этот мир. Встретятся ли там родные лица, глядящие со стен: "смотрю и улетаю в бесконечность". У нее, как и у многих из нас, есть надежда на спасительную соломинку, она отнюдь не лишена доброй и насмешливой иронии, ярко прозвучавшей в песне "Я не скажу вам никогда". В поддержку высокому искусству Галина Мещерякова создает музыкальный гимн, понятный и доступный людям разных поколений, хорошо понимая, что "нужны аплодисменты всем поэтам, музыкантам и артистам".

Автор посвящает поэтические строки блестящему пианисту с "бархатными руками" Сергею Терентьеву, яркому музыканту и дирижеру Хоборту Эрлу, неординарному одесскому художнику

Валентину Хрущу. Г. Мещеряковой становится горько от вида забытой и заброшенной могилы известного и любимого когда-то многими поэта. "Все чередой идет, и радость и печаль. То плачем, то грустим, то рвемся сердцем вдаль". А бывает и так: достаточно какой-то вещи, фразы, вида улицы или дома, чтобы окунуться полностью в давно ушедшие времена и встретиться там с удивительными, неповторимыми людьми. И тогда возникает замечательный художественный очерк "Природа вещей", в котором оживают лирики, живописцы южно-русской художественной школы, хозяин дома на Княжеской Евгений Буковецкий и Павел Нилус и непримиримый, мятущийся писатель Иван Бунин. А всего лишь и были-то мольберт да бокалы из старинного хрусталя. Но ведь какие люди из них пили, какие волшебные руки прикасались к мольберту, в чьем доме это происходило! Стоит только включить воображение.

Поэзия и песенно-романсовое творчество Г. Мещеряковой временами в чем-то возвращает нас в позапрошлый и начало прошлого веков. И встреча эта настроила всех присутствующих на лирический лад воспоминаний с едва уловимой грустинкой. Четко выстроенная мысль программы создала художественно-эмоциональный образ человека, творца, для которого главное — "просто жить, любить и не роптать".

Евгения Лукьянова

УРОКИ ЯЗЫКА ИДИШ

Урок 1. Алфавит

Около тысячи лет идиш был разговорным языком миллионов евреев. В начале XX века на нем существовала одна из самых развитых европейских литератур. Холокост, советская политика ликвидации еврейской культуры и массовая эмиграция в Израиль, Германию, США привели к тому, что большинство евреев в настоящее время языком не владеют. Появилась угроза исчезновения идиш как языка. Но идиш не сдается. В последние годы все больше и больше появляется в Украине кружков по его изучению.

При БФ "Хесед Шаарей Цион" уже много лет работает кружок "Общение на идиш". Его посещают около 20 человек. Они говорят на этом языке, но не все умеют на нем читать и писать. Руководит кружком бывшая узница гетто Дора Рацен, знающая десятки прекрасных песен на идиш. В числе активных членов кружка Яков Полишук со своей неизменной скрипкой. В работу кружка вносят свой вклад Григорий Рувинский, Владимир Сигал, Зинаида Фингерова, Ева Шпитальник...

Все, кто понимает значение языка идиш для еврейского народа, не должны допустить, чтобы произведения Шолом-Алейхема, Хаима Бялика, нобелевского лауреата Ицхака Башевис-Зингера, Ицика Мангера, Льва Квитко были преданы забвению, чтобы их книги продолжали пылиться на книжных полках.

Редакция газеты "Доброе дело" решила внести и свою лепту в изучение идиша и начать публикацию уроков. Это будет хорошим подспорьем для кружка "Общение на идиш" и тех, у кого появится желание изучить этот язык самостоятельно. В основу уроков мы положили "Самоучитель языка идиш" Ш. Сандлера и пособие "Мамелаш" коллектива авторов из г. Черновцы: К. Широких, А. Кержнер и М. Файнер. Надеемся, что публикация уроков будет способствовать возрождению языка идиш.

Семен Вайнблат

Печатные буквы	Письменные буквы	Название	Звук
א	א	штумер алеф (немой алеф)	—
ב	ב	лакс алеф	[а]
בּ	בּ	комац алеф	[о]
בֿ	בֿ	бейс	[б]
ג	ג	вейс	[в]
ד	ד	гилл	[д]
ה	ה	халл	[д]
ו	ו	гей	[м]
ז	ז	воф	[з]
ח	ח	хейс	[х]
ט	ט	тес	[т]
י	י	йуд	[й]; [д]
כ	כ	коф	[к]
כּ	כּ	коф	[к]
כֿ	כֿ	ламед	[л]
ל	ל	мем	[м]
מ	מ	вуф	[м]

Печатные буквы	Письменные буквы	Название	Звук
נ	נ	накс	[н]
ס	ס	сакс	[с]
ע	ע	пес	[п]
פ	פ	фей	[ф]
פּ	פּ	фадк	[ф]
פֿ	פֿ	кэф	[к]
צ	צ	рейс	[р]
ק	ק	пик	[к]
ר	ר	сак	[с]
ש	ש	тов [тоф]	[с]
שׂ	שׂ	сов [соф]	[с]

Примечания

Штумер алеф употребляется только в начале слова перед буквами **йуд**, **вов** или дифтонгами для обозначения звуков [и; у; ай; ой; эй].

Вейс, **хес**, **коф**, **син**, **тов**, **сов** употребляются только при написании гебраизмов (слов древнееврейского и арамейского происхождения).

Вов и **аен** в словах-гебраизмах могут передавать и другие звуки.

Хоф в конце слова имеет другую форму, название — **лангер хоф**. **Мем** в конце слова имеет другую форму, название — **шлос мем**.

Нун в конце слова имеет другую форму, название — **лангер нун**.

Фей в конце слова имеет другую форму, название — **лангер фей**.

Цадик в конце слова имеет другую форму, название — **лангер цадик**.

Î äãññêèå

íîâîñòè

По распоряжению одесского городского головы одноразовая материальная помощь на общую сумму 52401 гривня для приобретения слуховых аппаратов будет оказана 32 малообеспеченным гражданам города.

Управление архитектуры и градостроительства Одесского горсовета провело общественное обсуждение градостроительного обоснования размещения:

— жилого дома по адресу: Одесса, Французский бульвар, 29;

— салона-магазина по адресу: Одесса, пер. Пироговский, 8;

— комплекса АЗС, бизнес-центра и мини-отеля по адресу: Одесса, ул. Балковская, 115.

Исполком горсовета утвердил новый состав топонимической комиссии, которую возглавила вице-мэр Светлана Фабрикант. В комиссию включены сотрудники горсовета, заместитель директора областного государственного архива Л. Белоусова, специалист управления охраны недвижимых объектов культурного наследия облгосадминистрации И. Арутюнова, архитектор В. Глазырин, историки и краеведы В. Головань, О. Губарь, Я. Майстровой, А. Розенбойм, заместитель директора историко-краеведческого музея Ю. Слюсарь, журналист Е. Голубовский, ученый секретарь литмузея Е. Каракина.

Два французских предприятия планируют увеличить свое производство в Одессе. Об этом стало известно в ходе встречи губернатора Эдуарда Матвийчука с чрезвычайным и полномочным Послом Французской Республики в Украине Жаком Фором. По его словам предприятие по производству электроприборов для строительной отрасли («Атлантик») намерено увеличить производство в два раза и просит облгосадминистрацию поспособствовать ей в расширении территории завода. Также планирует расширить мощности и активы предприятие CMA-CGM.

Бывшая узница гетто Роза Хасина удостоена памятного знака одесского городского головы «73 дня героической обороны Одессы».

В музее истории евреев Одессы открыта выставка «Семья Дусман — одесский бренд!», приуроченная к 80-летию со дня рождения Леонида Дусмана, бывшего узника гетто, авторитетнейшего исследователя истории Холокоста в Одесском регионе.

Вышла из печати книга Анны Мисюк об истории еврейской литературы в Одессе под названием «Куда бы вас послал классик». Книга издана Еврейским общинным центром «Мигдаль» при поддержке Американского еврейского объединенного распределительного комитета «Джойнт».

Музыкальная школа имени профессора П. С. Столярского торжественно отметила 139-ю годовщину со дня рождения своего основателя.

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители "Нашей гостиной"!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем всегда посещать "Нашу гостиную", поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хеседа, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Знать и помнить

Дорогие друзья! Сотрудники, принимающие участие в выпуске "Гостиной", поздравляют клиентов нашего Хеседа и их близких, которые отмечают наступление григорианского Нового года, желают им крепкого здоровья, благополучия, хорошего настроения, а главное, чтобы они никогда не нуждались в благотворительной помощи.

Если же вам придется обращаться за ней в Хесед, то мы постараемся, чтобы общение с нашими программами не приносило вам негативных эмоций.

В наступающем календарном году Хесед продолжает сотрудничество с ООО "Копейка".

Обращаем внимание клиентов Хеседа, которые проживают в Киевском и Малиновском районах города, что на улице Варненской, 17, открыт новый супермаркет "Копейка", где можно приобрести продовольственные товары. Для того чтобы обслуживание в этом и других магазинах

«Копейки» полностью удовлетворяло клиентов Хеседа, нужно помнить следующее:

— приобретать можно только те товары, которые имеет право оплатить Хесед. Не оплачиваются алкогольные и табачные изделия всех видов, моющие средства и сопутствующие им товары, продукты, в состав которых входит свиное мясо и сало;

— скидка в размере 8% устанавливается для наших клиентов только на определенные продуктывые товары, список которых регулярно публикуется в газете "Доброе дело". Новый перечень этих товаров будет опубликован в наступающем календарном году. Не забудьте оформить на газету подписку на 2011 г.;

— во всех торговых залах супермаркетов установлены камеры видеонаблюдения, а потому все попытки вынести товары без оплаты обречены на неудачу;

— после оплаты стоимости товаров внимательно, не отходя от кассы, проверьте полученный чек, так как потом никакие претензии не принимаются;

— не рекомендуется проверять наличие средств на вашей карточке на терминале кассы, так как, если кассир случайно или преднамеренно не «сбросит» показатель, деньгами сможет воспользоваться другой человек. В каждом магазине «Копейки» установлены специальные аппараты, которые показывают наличие на карточке начисленной суммы;

— в случае, если клиент потерял карточку, получил вместо нее новую, а потом обнаружил у

себя ту, которая считалась утерянной, ее обязательно нужно возвратить в Хесед.

Особые рекомендации адресуем клиентам программы "Медицина":

— в наступающем календарном году, приходя в Хесед, не забывайте брать с собой свой паспорт или пенсионное удостоверение; если же вы оформляете рецепты на другого клиента программы, то нужно помнить, что без его паспорта и доверенности, заверенной куратором, оформить рецепт нельзя;

— помните, что Хесед оплачивает только те лекарственные препараты, включенные в так называемую "Лекарственную корзину", которая утверждена "Джойнтом" и не может быть изменена Хеседом;

— не забывайте, что подгузники и пеленки теперь можно получить только по пластиковой карточке "Копейки";

— всегда помните, что все спорные ситуации, которые могут возникнуть при покупке медикаментов, должны разрешаться только с помощью сотрудников программы.

Особо предупреждаем клиентов, до сих пор не представивших нам документы о состоянии своего здоровья, что с 1 января 2001 года их не будут обслуживать в медицинской программе.

Клиентов же, которые получили в прокат реабилитационное оборудование, но не пользуются им, убедительно просим вернуть его в Хесед, поскольку в нем остро нуждаются другие клиенты.

Голос из прошлого...

Как говорится, хорошему предела нет, и никто не станет утверждать, что обслуживание наших клиентов в магазинах или аптеках идеальное. К сожалению, случаются и замечания. Нужно, однако, отметить тот отрадный факт, что по сравнению с предыдущими годами претензии, связанные с обслуживанием клиентов в магазинах и аптеках сократились до минимума, поскольку наши поставщики стараются всячески улучшить свою работу, чтобы избежать каких-либо жалоб или нареканий. Но от того, что называется "человеческий фактор", никуда не уйдешь, и всякое бывает: устал человек, что-то не самое хорошее у него случилось, нервы сдали или, что тоже бывает, компьютер вдруг начал давать сбои.

Не стоит забывать и то, что некоторые наши клиенты тоже не всегда бывают терпеливыми и снисходительными. Другое дело, что это никак не дает право обслуживающему персоналу магазинов и аптек повышать голос и позволять себе некорректно обращаться как с клиентами Хеседа, так и с другими покупателями и посетителями.

В каждом номере нашей газеты мы не устаем повторять и просить наших уважаемых клиентов о том, что если в аптеке или магазине "Копейка" возникла какая-то конфликтная ситуация, ни в коем разе не нужно пытаться самостоятельно разрешить ее, нервничать, трепать свои и чужие нервы. Вполне достаточно позвонить, что называется, не отходя от

кассы, в программу «Медицина» или «Питание», в крайнем случае своему куратору, — и вопрос будет спокойно, корректно и справедливо решен. Только для того нам обязательно нужно знать, где и когда случился конфликт, в чем он заключался, фамилию продавца, кассира, работника аптеки.

А теперь обратите, пожалуйста, внимание на название этой моей статьи. К нам в Хесед поступила жалоба, текст которой набран на отличном компьютере и с помощью самого современного принтера отпечатан на белоснежной бумаге. Только напоминает этот, с позволения сказать, документ давние приснопамятные времена недавнего двадцатого столетия.

Обращается к нам «группа товарищей», которые поначалу, чтобы задобрить нас и найти в нашем лице союзников, выражает глубокую признательность руководству Хеседа, красочно повествует о том, какие это они прекрасные, душевные люди, и всячески благодарят их "за все хорошее".

А потом уж "переходят к делу" — жалуются на сотрудников одной из аптек фирмы «Фармация», в которой их якобы не только крайне плохо обслужили, но и в добавок еще нахамили. Хочу отметить, что в большинстве жалоб, которые поступают в Хесед, наши клиенты почему-то считают, что их «обидели» не просто как обычных посетителей или покупателей, и именно как евреев. И авторы "бумаги", о которой идет речь, не были исключением. Это что,

комплекс такой остался с тех времен, о которых и вспоминать не хочется? Перед самим собой неудобно, но не могу утаить от читателей и то, что жалобщики, по видимому, считающие себя людьми интеллигентными, на все обидные слова, которые они якобы услышали от провизоров, отвечают площадной бранью, уповая, очевидно, что бумага все стерпит. Более того, Хеседу предъявляется ультиматум: если мы тотчас не прекратим сотрудничество с этой аптекой, то они, то есть эти «товарищи», немедленно обратятся непосредственно к нашему учредителю, который разберется с нами самым крутым образом.

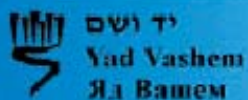
Нельзя обойти вниманием и то, что заявители, дабы их не посчитали анонимщиками, жалобу подписали, то есть четыре подписи "нарисовали" одной рукой, а еще четыре — другой. Другими, более справедливыми словами, — они просто подделали подписи, а фамилии свои и адреса не сообщили, объясняя это тем, что просто не хотят участвовать в разбирательстве этой жалобы, но, тем не менее, очень «надеются на взаимопонимание».

Нам, конечно, проще всего было бы поместить в газете объявление о том, что кляузы, как называются на русском языке анонимные письма такого рода, Хесед, как всякая нормальная организация, не рассматривает и ни на какое взаимопонимание авторы их рассчитывать не должны.

Для того чтобы принять решение по какой-либо жалобе, нужно выслушать обе стороны и объективно во всем разобраться. Тем более, что за два года к работе этой аптеки никаких претензий не поступало. Не собираемся мы каким-либо образом реагировать на угрозы обратиться к учредителю. Каждый волен поступать так, как подсказывает ему совесть, воспитание, порядочность наконец. Кстати сказать, не хочешь ходить в эту аптеку, иди в другую. При оформлении рецепта клиентов спрашивают, в какую аптеку хотят они обратиться.

Все это ясно и понятно. Эта жалоба задела меня другим. Люди старших поколений помнят, молодые знают из рассказов, книг и фильмов, как анонимные всякие жалобы, письма, наветы — "если срочно не примете меры, обязательно сообщу «выше» — могли когда-то изуродовать жизнь ни в чем не виновному человеку. И кто-то, добившийся своего, вселялся в освободившуюся квартиру, занимал опустевший кабинет, а то и уводил ставшую одинокой жену. Потому и считаю любую, в том числе эту, анонимку голосом из прошлого.

Последние десятилетия показали нам, что правда с «открытым лицом» всегда пробьется. Если кто-то из клиентов увидел какие-либо недостатки в нашей работе, открыто и честно поставьте нас об этом в известность. И мы будем только благодарны.

Проект документации увековечения
имен евреев, погибших в период
Катастрофы (Шоа) на оккупированных
территориях бывшего СССР

Обращение Мемориала Яд Вашем к свидетелям Холокоста в Одессе

Мемориал Яд Вашем в преддверии Дня Катастрофы 2006 года начал новый проект: Документация и увековечение имен евреев, погибших во время Катастрофы на оккупированных территориях бывшего СССР. Председатель Совета директоров Яд Вашем Авнер Шалев обратился тогда ко всем организациям со следующим письмом:

Уважаемые господа!

Мемориал Яд Вашем ставит своей задачей увековечить имя каждого еврея, уничтоженного нацистами и их пособниками. С этой целью Яд Вашем, начиная с середины 50-х годов, собирает Листы свидетельских показаний, заполненные родными и близкими погибших. Выполняя свою историческую задачу — внести в коллективную память народа каждого погибшего в период Шоа, Яд Вашем разработал специальную программу увековечения имен евреев, убитых на оккупированных территориях бывшего СССР. Проект будет реализован в Украине, России, Молдове, Беларуси, Литве, Латвии, Эстонии, Израиле и везде, где проживают евреи — выходцы из бывшего СССР.

Руководителем проекта назначен г-н Борис Мафцир, бывший генеральный директор Министерства абсорбции и глава представительства Еврейского агентства "Сохнут" в России, Беларуси и странах Балтии.

Яд Вашем обращается ко всем еврейским организациям, действующим на территории бывшего СССР, с просьбой о сотрудничестве. Ни одно имя не должно быть забыто.

К началу проекта в Зале имен Яд Вашем было менее миллиона имен погибших в Холокосте в СССР. По данным историка д-ра Ицхака Арада, в прошлом главы Яд Вашем, общее число жертв Холокоста в СССР определяется в 2 миллиона 700 тысяч. К этому числу нужно добавить транспорты евреев из западной Европы. Сейчас в анналах Яд Вашем уже около 1 миллиона 700 тысяч имен жертв Холокоста.

Десятки организаций и сотни волонтеров продолжают опрос свидетелей, собирают имена по Книгам памяти и по

книгам воспоминаний и пересылают эти материалы в Яд Вашем для увековечения памяти родных и близких.

Одесса и одесский регион — одна из страшных и кровавых страниц истории Холокоста. Мы надеемся, что еврейская общинность города поможет нам в восстановлении утерянной памяти.

Кто считается жертвой Шоа (Катастрофы)?

Жертвами Шоа (Катастрофы) считаются евреи, погибшие от рук нацистов и их пособников на оккупированных территориях во время 2-й мировой войны:

- в акциях уничтожения;
- во время депортации в лагеря и гетто;
- в гетто или лагерях;
- в убежищах;
- погибшие в лагерях, во время вооруженного сопротивления в гетто и в партизанском движении.

Жертвами Катастрофы являются также:

— евреи, погибшие при попытке спастись на пути в эвакуацию (обстрелы, бомбежки и т.п.)

— неевреи, добровольно разделившие судьбу своих еврейских мужей и жен и погибшие с ними в перечисленных выше ситуациях.

— евреи, воевавшие в Красной Армии и погибшие на фронте. На них не распространяется определение жертв Шоа (Катастрофы), вместе с тем Яд Вашем в знак уважения их памяти принимает и хранит их имена в отдельном архивном списке Зала Имен. В особых случаях евреи, воевавшие в Красной Армии и погибшие в плену или пропавшие без вести, могут быть причислены к жертвам Шоа (Катастрофы) после проверки обстоятельств гибели сотрудниками Зала имен Яд Вашем.

Кто может считаться свидетелем?

Любой человек, у которого есть сведения о гибели родственников, соседей, одноклассников и т.д. в годы войны на оккупированных территориях бывшего СССР.

В любом случае — даже если у вас недостаточно данных — важно записать то, что вы помните о погибших

(это дает возможность дополнить сведения, уже полученные ранее, или те, которые появятся в будущем).

Важно: В случае, если не все имена известны, можно заполнить Листы, указывая в соответствующей графе имена отца\матери, мужа\жены, брата\сестры, написав: «ребенок, имя неизвестно» или «жена, имя неизвестно» и т.д. Таким образом восстанавливается по цепочке и увековечивается вся семья.

Мы надеемся, что каждый и каждая из свидетелей сможет связаться с нами по электронной или обычной почте или по телефону, и мы не только незамедлительно вышлем Листы свидетельских показаний, но и дадим индивидуальную телефонную консультацию по всем вопросам. Кроме того, я предлагаю всем интересующимся открыть наш сайт:

<http://www1.yadvashem.org/yv/ru/remembrance/names/index.asp>

Там можно найти различные актуальные материалы, включая Листы свидетельских показаний и советы по их заполнению.

Мы надеемся, что каждый из вас постарается распространить эту информацию среди своих соседей, близких и знакомых. Мы будем благодарны каждому, кто захочет помочь нам в координации поисков имен погибших. Увековечение и сбор имен необходимы еще и потому, что у погибших нет и уже не будет другого памятника.

С вопросами обращайтесь по адресам и телефонам:

Борис Мафцир, руководитель проекта
boris.maftsir@yadvashem.org.il
Телефоны: 972-2-6443761, 972-2-6443240,
972-2-6443235
Факс: 972-2-6443409.

Заполненные Листы свидетельских показаний присылайте по адресу:

Yad Vashem P.O.B. 98102 Jerusalem, Israel

Памятник неизвестному спасителю

Литература о Холокосте сейчас насчитывает тысячи названий на многих языках мира. И отражены в ней различные грани жизни и смерти погибших. В книгах, журнальных и газетных статьях, в интернете раскрыта и тема спасения евреев. В годы войны сотни евреев выжили только потому, что их спасли люди других национальностей. Такое происходило во многих городах и селах, захваченных во время Второй мировой войны фашистскими оккупантами. Те, кто спасал, знали, что если они не вмешаются, то евреи погибнут. И они не уклонились от велея души. Что ими руководило? Вопрос непростой. Ведь в большинстве случаев они это делали с риском для жизни. Может, они приходили на помощь вспомнив о своих детях, братьях, сестрах, может, просто потому, что они — Люди. Главное — они спасали от смерти, — а что может быть выше этого?!

Разумеется, в памяти спасенного навсегда останется тот, кто его спас. И как прекрасно, если известно имя или фамилия спасителя. Оставшись

в живых, спасенный, очевидно, никогда не забудет его. Кроме того, о тех, кто прятал евреев, переправлял в безопасное место, спасал ценою собственной жизни, сообщается в Яд Вашем. Этим людям присваивается звание Праведник народов мира. Они награждаются Почетными дипломами и медалями. В их честь в Иерусалиме на Аллее праведников сажают именные деревья.

А если спасенный не знал имени спасителя? А если он никогда его больше не видел после спасения? Если даже не имел возможности поблагодарить за то, что его жизнь не оборвалась? Как воздать должное безымянным спасителям? Как увековечить их память?

В одной из публикаций бывшего узника гетто Давида Розенфельда меня привлекла высказанная им идея — поставить памятник тем, кто спасал евреев, но чьи имена остались неизвестными. Это сродни идее создания памятника Неизвестному солдату. Его можно, например, назвать Памятник неизвестному спасителю. Если он будет создан, это

будет, очевидно, первый в мире памятник такого рода.

Жаль, если эта прекрасная идея останется только в умах нескольких человек. Жаль, если она не будет воплощена в камне или бронзе. Жаль, если такой памятник не будет создан в Киеве, Одессе, Виннице, Харькове, Черновцах, других городах Украины, где находятся сотни мест массового уничтожения евреев, тысячи могил тех, кто погиб только потому, что они евреи.

Памятник спасителю — это символ подвига, который достоин подражания вне зависимости от того, в какой стране мира жили люди, которые рисковали жизнью, спасая евреев от расстрелов, виселиц, газовых камер, а также голода и холода. Ведь иногда продлевали жизнь кусок хлеба или теплая одежда.

Было бы справедливо, если бы памятники Неизвестному спасителю воздвигли не только на территории бывшего Советского Союза, но и в других странах. Хочется надеяться, что эта идея будет воплощена в жизнь и в Государстве Израиль, где, без

сомнения, жили и живут те, кто в свое время были спасены, но не смогли по различным причинам сказать слова благодарности в адрес спасителя. Думается, что они, их родные, близкие, а также сотни туристов из различных стран мира смогут, находясь рядом с таким памятником, воздать должное тем, кто в самую последнюю минуту протягивал людям, потерявшим надежду, твердую руку помощи.

Я думаю, что не следует откладывать воплощение этой идеи в долгий ящик. Желательно, чтобы еврейские организации в различных странах мира прониклись ею. Станет ли эта идея реальностью? Время покажет. Все зависит от нас. От наших еврейских сердец. От старшего поколения, которое знает о фашизме не по книгам и кинофильмам. От чуткости тех, кто идет нам на смену.

Идея создания памятника мне кажется перспективной. Добро не должно быть забыто! Память должна быть благодарной!

Семен Вайнблат

В давние времена в широком ходу были перстни-печатки, которыми, дабы удостоверить авторство, запечатывали письма, оставляя ими отпечаток на расплавленном воске или сургуче. Мастера этого дела владели каллиграфией, основами рисунка, техникой резьбы, знали свойства того или иного камня и ухитрялись разместить на его малой поверхности несколько слов или довольно сложную композицию. Но резчики камней-печаток ушли в прошлое вместе со своим временем, подобно представителям других исчезнувших профессий, коих много было в старой Одессе.

Барабанщик в младенческие годы Одессы не в военном оркестре здесь состоял, а при полицейской команде, ходил по улицам и барабанным своим боем обращал на себя внимание горожан, опосля чего зачитывалось какое-либо важное сообщение или распоряжение местных властей. И это было тогда единственным дозволенным нарушением тишины, о коей пекся адмирал де Рибас, еще в конце 1795 года, в приказном порядке запретив в новорожденном городе всякую пальбу из ружей и пистолетов, которая «нарушает тишину и спокойствие».

Каретник Браун на Еврейской, близ Канатной улицы, строил различные экипажи, которые были, как сказал бы Остап Бендер, «не роскошь, а средство передвижения».

Извозчик по прозвищу Береза частенько и, к тому же, в долг возил Пушкина на дачу Рено, что была по дороге в нынешнюю Аркадию. К этому занятию допускались только мужчины не моложе семнадцати лет, представительницам же слабого пола дозволялось лишь содержать заведения извозного промысла. Таковые в начале XX века и принадлежали Варваре Петровне Жаровой в доме, который в 1844 году построил для себя архитектор Франц Карлович Боффо в Театральном, нынешнем переулке Чайковского, 8, Марии Федоровне Свиридовой на Канатной, 13, и другим, числом около десяти. Единых правил уличного движения тогда не существовало, но это не значит, что те, кто состоял «возле коней», могли ездить, как им заблагорассудится, как легко, удобно и приятно, не соблюдая определенный порядок. Так, еще в 1898 году постановление Одесской городской Думы «О лицах, занимающихся извозным промыслом, и о кучерах в Одесском градоначальстве» предписывало извозчикам, кучерам частных экипажей, телег и биндюгов «придерживаться правой стороны», а также «слушаться предупреждений, делаемых полицией, и, в свою очередь, предупреждать окриком проезжающих и проходящих». Помимо этого легковые извозчики обязаны были «содействовать полиции в преследовании убегающих от нея лиц, потому для преследования догонять их по требованиям полицейских чинов» и с седоками «обходиться вежливо». В свою очередь, участковые пристава следили за опрятностью извозчиков и чистотой дрожек, в частности, сидений, равно как за тем, чтобы на каждом транспортном средстве имелась жестяная пластина с номером и годом выдачи — предшественница нынешних автомобильных номеров. На каретах, дрожках и фаэтонах они были желтыми с рельефным изображением герба Одессы и черными цифрами, на бричках такие же, но красные, на извозничьих пролетках круглые неокрашенные и без всякого герба, а на площадках биндюжников —

тоже без герба, но белые с черными цифрами.

Ландкучера из заведения Франца Вернера в экипажах, приспособленных для дальней дороги, еще в 1830-х годах перевозили пассажиров из Одессы через Броды в Вену, откуда на перекладных можно было добраться хоть до самого Ла-Манша.

Фореиторы, в отличие от кучеров, восседали не на облучке, а на одной из передних лошадей, запряженных цугом.

Мортусы в просмоленной кожаной одежде на телеге под черным флагом приезжали за умершими от чумы одеситами и хоронили их во время эпидемий 1812-го и других годов.

Будочники наблюдали за порядком на вверенных им территориях, а будки их с черно-белыми полосами чаще всего располагались на перекрестке.

Водовозы колесили по городу, продавая колодезную воду или набранную из фонтанов, сиречь ключей, которые дали название живописным окрестностям Малый Фонтан, Средний Фонтан, Большой Фонтан.

Разливщик вин в бутылки и укупорщик Сергей Урфалов был занят с утра до ночи, поскольку в старой Одессе даящий радость напиток всегда имелся в изобилии. Подтверждением может служить такая нехитрая арифметика: в 1833 году, когда население составляло 50323 жителя, в городе имелось 373 винных погреба. Стало

быть, на один погреб в среднем приходилось всего 135 человек, включая детей, женщин и мужчин, которые по разным причинам «не употребляли», но Одесса, к чести ее и не в обиду другим сказано, никогда не имела репутации «пьяного» города.

«Обивщик стульев и канопеев», сиречь диванов, Карл Вернер ничего другого не знал и не умел, но в своем деле мастером был.

Футлярный мастер Фридрих Гедде на Ришельевской улице понимал, что его изделие есть не просто коробка для хранения какой-либо вещи, а нечто сродни увертюре и должно соответствовать тому, для чего оно предназначается. Потому и мочил он картон, отжимал, формовал, пропитывал растительным маслом, сушил, шлифовал, полировал, обтягивал сафьяном или каким-либо другим благородным материалом, и получался у него изящного вида футляр для лорнета, очков, драгоценных серег или янтарного мундштука, который при ношении без оного приобретал потертости, а то и вовсе царапины.

Мосье Антуан давал напрокат маскарадные костюмы и не оставался без дела, поскольку уважающая себя дама или кавалер не могли позволить себе два раза подряд появиться в одном и том же костюме, а каждый раз покупать или заказывать новый для многих было все-таки накладно.

На базарах под открытым небом располагались «холодные парикмахеры», все оборудование которых состояло из двух

Х о р о ш о З а б ы т о е

табуретов. Когда подходил клиент, он усаживал его на табурет и начинал брить или стричь. Но если подходил другой, парикмахер, в опасении того, что тот не захочет ожидать своей очереди и уйдет к коллеге, оставлял первого — куда он денется наполовину стриженный или бритый, и начинал заниматься вторым.

«Холодные» фотографии вешали где-нибудь на улице, чаще всего возле базаров, холст с намалеванным на нем пейзажем и прорезанным овальным отверстием, в которое клиент просовывал голову. Мастер наводил на него стеклянный зрачок громоздкой деревянной камеры-ящика на треноге, с изяществом фокусника плавным круговым движением снимал и надевал крышку объектива, производил какие-то таинственные манипуляции и через некоторое время вручал еще влажный снимок. И гражданин в пиджачке и мятой кепке вдруг лицезрел себя в развевающейся бурке верхом на лихом коне или рядом с невысказанной красавицей в лодке, вокруг которой плавали лебеди с изогнутыми почти вопросительного знака шеями, а на берегу озера возвышался замок с несметным количеством башен, шпилей, балкончиков, мостиков и зубцов.

На Приморском бульваре, в Городском саду и на Соборной площади зарабатывали себе на хлеб, если их можно так назвать, «холодные астрономы»: ставили небольшой телескоп и предлагали публике «ознакомиться с небесными светилами — Венерой, Марсом, Юпитером со спутниками и Сатурном с его удивительными кольцами». При этом, если дело было, к примеру, в середине 1880-х годов, «за обозрение каждого светила» требовалось заплатить 20 копеек, а за все, естественно, — в четыре раза больше. И тут кто-то бы еще, как говорится, сто раз подумал, поскольку, если смотреть на планету Марс совместно с Венерой невооруженным глазом, то за эти деньги можно было побаловать себя двумя бутылками отличного бессарабского вина на закуску из 200 граммов свежайшей ветчины, 100 граммов зернистой икры и нескольких фанзелей, то есть белых, хорошо выпеченных и очень вкусных булок. Имелся и другой вариант — пообедать в ресторане гостиницы «Центральная» на Преображенской улице, где за 70 копеек подавали борщ флотский, поросенка с хреном и шницель по-венски. Правда, запивать все это пришлось бы одним только компотом, но оставшихся 10 копеек хватало бы на две кружки пива в ближайшем пивном заведении.

Портные-жилеточки шили только эту часть гардероба. Но они делали свою работу с мастерством и добросовестностью, а потому с чистым сердцем желали заказчику «Порвите на здоровье!», что в их устах звучало как «Живите долго!», если иметь в виду, что жилет будет носиться нескончаемое количество лет.

Вдова переплетчика Штолпе по заказанной ей каким-нибудь лавочником или купцом форме графила конторские книги.

Лопатники, задыхаясь от удушливой пыли, с утра до вечера перелопачивали зерно для проветривания его и очистки от всяких примесей в огромных амбарах, именовавшихся в Одессе магазинами. Магазин турецкого консула Рафаила Хава на Елисаветинской, 1. Магазин негодянта Иеронима Сабанского на Канатной, 23, перестроенный и известный потом как

«Сабанские казармы». Магазин Ашкенази и Бруна на тогдашней Безыменной площади, на месте которых сейчас здания медицинского института. Построенный на месте дома Иосифа де Рибаса магазин Ивана Юрьевича Вучина на Польской улице, где ныне послевоенный дом под №16. В середине XIX столетия таких магазинов насчитывалось 720. Если же предположить, что в каждом из них работало, вернее, мучилось, пусть даже 10 человек, то общее количество этих несчастных составит более семи тысяч. И еще в 1910-х годах на Госпитальной, нынешней улице Богдана Хмельницкого, 32, было «Общество взаимопомощи лопатников по хлебной части».

Биндюжники с утра до вечера возили в порт мешки с пшеницей, а оттуда — всякие, как их называли, колониальные и другие заморские товары. Портовые грузчики бесконечной чередой носили и носили эти мешки по дощатым сходням на парусные корабли, а потом на пароходы.

Шмуkler С. Корнин, название профессии которого происходило от немецкого «Schmuck» — украшение, на Ришельевской, 10, вручную делал витые шелковые шнуры для абажуров, бахрому для бархатных скатертей, помпоны для плюшевых портьер, тесьму и другие вещи, на которые продавцы иногда специально обращали внимание покупателей: «Продаются четки каменные с роскошной золотой кистью шмуklerской работы».

Прислуга-ключница хранила ключи от всех замков в доме.

«Портретный силуэтчик» Иван Вейс с «величайшим сходством» вырезал силуэты до появления в Одессе фотографов.

Пепиньерки оканчивали курс какого-нибудь среднего учебного, оставались в нем для подготовки к обязанностям учительницы или классной дамы и для практики занимались с ученицами младших классов.

Прибывший из Берлина Эрнст Велли еще в конце 1820-х годов составлял «разных сортов ликеры в продолжение пяти минут, самой лучшей доброты и за весьма умеренную плату». Поскольку ликеры так быстро не производят, «произведения» Велли можно, наверное, считать первыми или одними из первых коктейлей в Одессе.

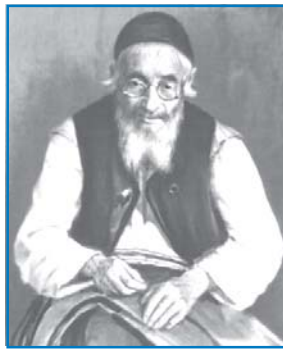
Торговцы вразнос с лотком на перекинутом через плечо ремне ходили по улицам и продавали папиросы, спички, табак, леденцы, лимоны...

Упаковщик И. Славский, который жил на Софиевской, 15, так паковал зеркала, хрустальную, равно как фарфоровую посуду, часы и другие хрупкие домашние вещи, что все они при переезде хозяина в другой город прибывали туда в целостности и сохранности.

Бруквощники из крестьян старинного села Обратеево, что в Орловской губернии, объединившись в артель из 45 человек, во второй половине XIX века мостили гранитными кубиками одесские мостовые.

Городской часовщик Климентий Штерн заводил, исправлял, регулировал часы в присутственных местах — Думе, полиции, Сиротском суде, Строительном комитете, канцеляриях генерал-губернатора и градоначальника, Публичной библиотеке, на здании Городского театра, на башнях в центре Старого базара и в Карантинной гавани, по его же команде производили полуденный выстрел сигнальной пушки, установленной возле лестницы на бульваре.

Тапёр Л. Праусс жил в Каретном переулке, откуда в любую погоду готов был прибыть на бал, танцевальный вечер, куда угодно, лишь бы там понимали, что «без

с т а ф о е

хорошей музыки нет удовольствия в танцах». Этим же делом в 1880-х годах подрабатывал учитель музыки Н. Кальсада с Княжеской улицы, предок которого Виконцио прибыл в Одессу еще в конце 1810-х годов, а потомок учился в Ришельевской гимназии и остался в книге «Ни дня без строчки» своего одноклассника Юрия Олеши: «Я помню, сидит налево от меня, под окном, превратившись для меня в силуэт, испанец Кальсада, Колька Кальсада». С появлением кинематографа коллеги Праусса и Кальсада «наяривали» на пианино в иллюзионе «Шантеклер» на Малой Арнаутской, 40, и многих других, сопровождая музыкой демонстрацию какой-нибудь немой, как тогда говорили, фильмы вроде душещипательной «И тайну море поглотило» или нашумевшей «Молчи, грусть, молчи!» с участием королевы экрана Веры Холодной. В их числе по причине крайней семейной бедности был одиннадцатилетний Симон Барер, будущий всемирно известный пианист, о котором сам Александр Константинович Глазунов сказал, что «Барер — это Ференц Лист с одной стороны и Антон Рубинштейн — с другой».

Старьевщики, именуемые в Одессе не иначе как старевещниками, целыми днями бродили по дворам, оглашая их пронзительными выкриками «Стары вещи покупайм, старевещ, старевещ!», а вечерами баловались чаем или чем другим в «своем» трактире на Базарной, 40, угол Ремесленной, нынешней улицы Осипова. Как правило, это были, мягко говоря, не самые состоятельные люди, о которых некто, скрывшийся под псевдонимом Джентльмен, написал несколько рифмованных строчек:

Жизнь взяла беднягу в клещи.
Должен целый день вопить:
«Ста-ры вэщи! Ку-пим вэщи!»,
Чтоб семейство прокормить.

По утрам во дворах появлялись молочницы с жестяными бидонами: «Молоко! Кому молоко?!», а в конце дня — рыбные торговки: «Риба, дамы, риба!!!».

Предлагали свои услуги стекольщики: «Стеклы вставлям, стеклы!», точильщики: «Точить ножи, но-о-о-жницы!», паяльщики, которые давали ремонт любой железной посуде: «Пай-ять, почи-нять! Ведры, чайники, миски-и! Кастрюли починять!».

Фонарщики, вышагивая с лестничкой на плече, в положенное время зажигали, а на рассвете тушили поначалу заправленные салом, потом масляные, еще позже петролеумные, сиречь керосиновые, и, наконец, газовые фонари, после чего возвращались в свою казарму на Градоначальническую, 8. В конце XIX века их было около семидесяти на весь город: Александр Орлов, Феликс Прибышевский, Иоганн Пфайд, Петр Юрченко, Михаил Янаки и другие при фонарном мастере Бейрише Эйстрахе.

Предприимчивые граждане из канифоли, касторового масла, меда или патоки приготавливали липкую массу, кистью наносили ее на листы пергаментной бумаги, а торговцы в разнос ходили с ней по дворам, предлагая свой товар: «Липкая бумага для мух! Липкая бумага! Купите и будете спать спокойно!».

«Котлетчик» Константин Бойченко по кличке Костя Понтовщик по сходной цене продавал полированные медные часы за золотые, и находились на них покупатели, потому что, как известно, жадность фраера губит.

На вокзале и в порту дежурили комиссионеры гостиниц, чаще всего второклассных, наметанным глазом определяли иногородних и буквально силком тащили их к извозчику, чтобы отвезти в какую-нибудь «Америку», «Бессарабскую», или «Невскую» в Красном переулке, 10.

Мелкие маклеры, или «лепетунники», как их называли в Одессе, целый день мотались по городу в надежде заработать хоть какой-нибудь рубль.

Установщик колокольчиков Бонардо подвешивал их в квартирах одесситов до появления механических, а потом электрических звонков. «...В передней зазвенел на пружине колокольчик», написал Валентин Катаев, вспоминая свое далекое детство на Базарной, 4.

Искусный мастер Петр Матвеев в доме одесского старожилы купца Калафати, на Дерибасовской, 17, на месте которого потом выстроили другой, делал «дамские черепаховые гребни лучшей доброты и фасона, если какие выходили из моды, переделывал их, а сломавшиеся склеивал и полировал так, что они выглядели как новые».

Цирюльник Артем Казаншев в том же доме, начиная с 1848 года, в течение двух десятилетий не только стриг и брил, но и, сообразно профессии, при необходимости «кидал кровь» и зубы вырывал у болящих клиентов.

Лаврентий Певверотти на Ришельевской улице к радости модниц доводил до первозданной чистоты и завивал страусовые перья, из которых были изготовлены боа и веера.

Золотари, которые чистили отхожие места, разъезжали по городу на телеге с бочкой и черпаком — главным своим инструментом. О них когда-то даже анекдот придумали, теперь уже начисто забытый: «Проезжая после работы мимо Городского театра, золотарь останавливается, чтобы пропустить густой толпой выходящих оттуда кавалеров и дам в нарядных туалетах, и предупреждает своего помощника: «Сильно много людей, смотри, чтобы черпак не украли!» Последнее слово, конечно, было заменено синонимом, соответствующим его лексикону».

Рисовальщик гербов И.Тессен изображал их на бумаге, металлической пластине или деревянном планшете для тех, кто помнил и гордился своим родом.

На Дерибасовской, в мастерской С.Глазера, «приводили в новый вид» залоснившиеся от длительного ношения соломенные шляпы — канотье, без которых уважающие себя граждане не появлялись на улице даже в разгар жаркого одесского лета. А в Пале-Рояле мадам Глагольева это же самое проделывала с перчатками, являвшими тогда не только средство защиты от холода, но и непременную принадлежность туалета.

Фейерверкмейстер Иосиф Роджеро собственноручно изготовлял и на восхищение публики зажигал в небе многоцветные огненные картины на темы разных исторических событий.

Наборщики задолго до появления в типографиях литьевых ручную, буква за буквой, набирали трагедию Александра Сергеевича Пушкина «Моцарт и Сальери», переведенную на итальянский язык нашим земляком Марком Вальтухом, французскую газету «Journal d'Odessa» или «Одесский вестник», который начал выходить еще в 1827 году.

Полотеры Федор Лотейко, Роберт Петерс, их собратья по ремеслу из конторы Петра Румянцева на Коблевской, 40, исполняли на своих щетках однообразный и

бесконечный танец, оставляя за собой до зеркального блеска начищенный «из воском» паркет.

Прибывший из Петербурга мастер И.Ф.Гензельман занимался исключительно тем, что делал «булавки для дамских волос».

Дмитрий Бацак сидельцем был в монополюшке на Дальницкой, 34, другими словами, продавцом в казенной водочной лавке подобно семидесяти другим, преимущественно женского пола, для коих на такой службе соблазна имелось меньше.

Мадам Бобрышева в Малом переулке, 2, давала домашние обеды «на чистом коровьем масле».

Бродячий кукольник с корзиной и легкой ширмой ходил по дворам, где на удовольствие детворы устраивал представления с Петрушкой — длинноносой куклой, которую на юге называли Ванькой-Рутютю.

Паровозные машинисты ввели поезд, куда рельсы проложены, а потом возвращались к себе на Ближние Мельницы с неизменным железным сундуком для инструмента.

Кочегары пароходов так забрасывали уголь в топку котла, что он горел там равномерно и весело, а легкий дым из трубы быстро рассеивался в небе над морем.

Тачечники перевозили все, что только помещалось на их двухколесных тачках: стулья из мебельного магазина Блока на Греческой, 14, мешки с яблоками во Фруктовый пассаж на «Привоже», матрац из одеяльно-матрачной мастерской Тишаева на Прохоровской, 82, и всякое другое.

Часовщик Жорж Бильдштейн не только сидел сидел и чинил часы в своей мастерской на Садовой, 19, но и принимал на себя «годиничную заводку часов в домах, казенных и частных учреждениях».

Братья Кляр зимой заготавливали, а летом продавали лед для домашних, магазинных и ресторанных ледников, а мальчишки разносили по базарам и улицам «холодную воду с ледом!».

«Телефонные барышни» на Греческой площади, 5, без усталости соединяли абонентов: «Барышня, дайте 42-88!».

Механик, слесарь и, вообще, мастер на все руки Г.А.Радионов в начале XX века прибыл из Киева и открыл мастерскую на улице Ямской, будущей улице Новосельского, 92. Позже он перебрался на Садовую, 19, где, даром, что мастерскую свою держал во дворе, был известен всем окрест живущим хозяйкам, которым тридцать лет кряду чинил примуса «с гарантией правильного горения». А это была незаменимая вещь в хозяйстве не самых состоятельных одесситов, поскольку примус можно было поставить не только на столик в кухне, но и на застеленный газетой табурет в коридоре или на галерее, что опоясывает старые одесские дворы. И варили на нем все, что варится, и, наполняя ароматом двор, жарили скумбрию, бычки или синенькие, которые баклажаны. А потом готовили из них «знаменитую одесскую баклажанную икру — пища богов! — зеленую, с луком, уксусом, чесноком, молдавским перцем, дьявольски острую...», как написал о ней Валентин Катаев. И у земляков, которые читают эти строки, слюнки текут или слезы, в зависимости от того, где они теперь живут.

Лудильщик Рапп на Тираспольской, 32, заново покрывал тончайшим слоем олова внутреннюю поверхность самоваров и всякой медной посуды, которую без полуды использовать было крайне вредно.

Продавцы газированной воды, или газировщики, как их называли, считались чуть ли не механиками, поскольку имели дело с сатураторами, баллонами, наполненными углекислотой и снабженными манометрами, следили за давлением газа, и по этой части могли поговорить с Остапом Бендером, утверждавшим, что «на каждого гражданина давит столб воздуха силою в двести четырнадцать кило».

Приходил во двор шарманщик, крутил ручку, звучала какая-нибудь модная песня вроде «Маруся отравилась», обезьянка корчила рожицы, и жильцы бросали из окон монетки, завернутые в бумажку. Если же кто подходил, тому попугай вытаскивал из коробки скрученный в трубочку листочек с записанной там «непременной судьбой». А на шарманке были нарисованы золотоволосые красавицы в окружении цветов, и лентой шла надпись «Нечада Балковская 191 Одесса» без всяких знаков препинания, как телеграмма в то далекое будущее, в котором ничего этого уже не будет, одна только грустная песня Александра Вертинского:

Каждый день под окошком
Он заводит шарманку.
Монотонно и сонно
Он поет об одном.
Плачет старое небо,
Мочит дождь обезьянку,
Пожилую актрису
с утомленным лицом...

Правда, говорят, что по улицам Тбилиси еще в конце прошлого века ходил потомственный шарманщик со старенькой шарманкой одесской «Фабрики органов и оркестрионов» Иоганна Викторовича Нечада.

С наступлением теплых дней Георгий Попандопуло на Екатерининской, 7, принимал «на сохранение от порчи молю шубные и другие тому подобные вещи».

Суфлер Александр Петрович Галицкий так «подавал» текст, что актер, не очень хорошо выучивший его, чувствовал себя на сцене уверенно.

Мороженщики ходили по улицам с жестяными банками, останавливались и формировали порции своего сладкого товара. Делали они это с помощью формочки, на дно которой сначала укладывали вафельную пластинку, намазывали ее толстым слоем мороженого, накрывали еще одной пластинкой и специальным поршеньком выталкивали готовую порцию. Ее же принято было держать двумя пальцами за вафли, поворачивать круговым движением и лэкать, как говорили одесситы, не подозревая, что это немецкое слово как раз и означает «лизать».

Ростислав Александров

Вера Инбер

Место под солнцем

Повесть двадцатых годов

Начало в №46

Самой удачной из всего цикла оказалась лекция о модах французской революции. Я не собиралась задерживаться на этой эпохе особенно долго. Кроме того, не соразмерив время в самом начале и уделив чрезвычайно много внимания древнему, я должна была спешить. Но одна из моих слушательниц, бывшая преподавательница рукоделия, попросила меня, если можно, остановиться более подробно на этом периоде, сказав, что ей, как заведующей костюмной частью одной клубной постановки, это интересно. Ее поддержали ее коллеги, и тогда я, отодвинув на время наступающий XIX век, подробно рассказала о том, как во Франции периода Реставрации был вотирован декрет, по которому наследникам казненных и осужденных Конвентом возвращались обратно конфискованные имущества и имущество. Наследники, большей частью молодые люди, превращенные таким образом из бедняков в богачей и опьяненные этим внезапным богатством, предались самым эксцентричным удовольствиям. Ими устраивались «балы жертв», на которых кавалер, отводя даму на место, отвешивал быстрый и резкий поклон, напоминавший судороги казненного. Для усиления этого мрачного эффекта щеголи и щеголихи брили себе волосы на затылке, как это делал палач перед казнью. Дочери казненных ввели в моду красные шали, в память того красного платка, который был заброшен перед смертью на плечи Шарлотты Корде. И, наконец, они носили красные ожерелья, настолько плотно прилегающие к шее, что это напоминало кровавый след от гильотинного ножа.

К последнему из хлебов, полученному мною в последний день, было прибавлено несколько рукопожатий различной крепости. Было сказано, что я оправдала надежды Политпросвета и что умственный кругозор моих слушателей заметно расширился.

Глава пятая

С наступлением тепла наш дом наполнился жизнью. Все его зимние недостатки, его удаленность от центра, близость моря, северные комнаты — все превратилось в достоинства. Кроме всего прочего, ясно обозначилась близость Чека.

На широкой улице, самой тихой в городе, там, где раньше жили богатые греки, отдыхавшие от жизни, в жемчужно-сером выхоленном доме с атлетическими юношами у входа, с цветами в нишах и маленьким бассейном, помещалось грозное учреждение. Вокруг дома, на асфальте, стояли машины, и пыльный, усталый конь, привязанный к ноге каменного юноши, отдыхал от длительного бега. Две девушки в сандалиях, в синих косоворотках, простоволосые, тронутые первым загаром, осмотрели наши большие прохладные комнаты. Не обращая на меня внимания, они измерили шагами пол и открыли все окна; я хотела предупредить, что одно из окон хворое и что трогать его нельзя, но не успела; окно распахнулось под решительной рукой, рама рухнула вниз, стекла зазвенели, и ненатертый паркет покрылся бриллиантовой пылью.

Одна из девушек, переступив через битое стекло, как, вероятно, переступала через все препятствия на свете, сказала:

— Здесь станут кровати.

Вторая сказала:

— А здесь станет стол.

Первая сказала:

— Если нет воды, мы будем поднимать ее на блоке снизу.

Обливаться можно на кухне и в ванной.

Вторая сказала:

— Рояль здесь ни к чему: мы перенесем его в клуб.

Первая сказала:

— Не в клуб, а в автобазу. Там ребята устраивают концерты.

Вторая сказала:

— Да.

Первая и вторая ушли с тем, чтобы вернуться завтра.

Наша квартира, за исключением двух комнат, превращалась отныне в общежитие сотрудниц Чека.

Товарищ Клавдия, та, которая разбила окно, была первая и главная среди остальных. Товарищ Клавдия была очень красива. Никогда еще мне не доводилось видеть таких совершенных черт лица, такого точеного носа и таких трепещущих ноздрей. Черные брови расходились аккуратными высокими дугами, темные с бронзоватой волосы были коротко острижены. Это не была хитрая и

сложная стрижка более позднего времени. Товарищ Клавдия была острижена, как мальчик, на пробор; на затылке у нее торчал ежик.

По утрам в одних трусах она шла в ванную обливаться холодной водой, которую подымали снизу на блоке. Она шла из далекой гостиной, проходила коридоры и комнаты. Пучок солнца шел за ней по ее плечам и груди. Потом она входила в тень, тело остывало, потухало, синие трусы становились почти черными. По дороге из гостиной в ванную она свистела: «Яблочко, куда ты котишься?» Свистя, она дирижировала мохнатым полотенцем.

После нее в ванной комнате оставались потоки и реки. Тщательно берегаемое мыло плавало в воде, мокрая мочалка свисала с края ванны. Юлия Мартыновна, мрачная и ненавидящая, сжав губы, вытирала пол и выкручивала мочалку.

От всей этой непривычно грубой работы и от неумолимой латышской чистоплотности руки Юлии Мартыновны потрескались, огрубели. Из бараньего жира, глицерина и еще чего-то она приготовила себе снадобье для смягчения кожи и держала его на полочке в ванной.

Однажды утром, после ванны, стройная, как амазонка, стриженная, бронзоволая, насвистывая прекрасными губами «Яблочко», совершенно голая, сидя на подоконнике в позе мальчика, достающего из ноги занозу, товарищ Клавдия смазала этой мазью составные части своего браунинга.

Мне казалось, что товарищу Клавдии недоступны никакие нежности, что она не замечает природы, не чувствует весны. Но лунными ночами, которые в ту весну были великолепны, возвращаясь поздно вечером на клочковатой машине, усталая, замученная, товарищ Клавдия принимала лунную ванну. Опять-таки в одних трусах, как будто дышать всем телом было ей необходимо, она бросалась на кровать, ложилась прямо под лунный душ.

— Этакая стерва, черт бы ее подрал! — повторяла она с восхищением и глубочайшей нежностью. Все это относилось к луне.

Ей были подвластны автомобили: «рено», «форд» и полугрузовик, один из тех, которые в первые дни революции выносили на своей спине солдатские тела, тяжелые от ненависти.

«Рено» — замученный синий мотор — был похож на призового скакуна, переведенного на полевые работы: он был слаб и жалок. Маленький проворный «форд» беспечно прыгал по кочкам.

Кроме автомобилей, у товарища Клавдии находились в распоряжении две лошади. Они жили где-то в другом месте, не у нас во дворе; я их сначала не видела, но слышала о них очень много. Товарищ Клавдия и товарищ Ольга, ее соседка по комнате, говорили о них в часы лунных ванн. Дверь в переднюю была открыта, голоса свободно разносились по комнатам. Как далеко были эти беседы от женских шепотов в лунные ночи!

Клавдия говорила:

— У Ворончика грудь широкая, он просто глотает воздух. Просто горит земля у него под ногами. А помнишь, как он взял канаву перед кирпичным заводом? Перелетел — и сам не заметил. Уж потом только уши наставил: сам удивился.

Ольга возражала:

— У Сокола морда лучше. И глаза. Он крепче, потеет меньше. Он, когда пьет, на воду смотрит, а не на человека: значит, характером добрее. И умен очень.

— А у Ворончика... — говорила снова Клавдия.

— А Сокол... — возражала опять Ольга.

Двигаясь стремительно и быстро, Клавдия часто сокращала на своем пути мелкие предметы и рвала одежду. Бах! Бум! Дзинь! — раздавался звук, что-нибудь фарфоровое или стеклянное летело на землю, после чего слышался треск: это рвалась материя. Одежда рвалась все чаще, прорехи становились все шире, булавки были бессильны. Загнанная в угол автомобилями, лошадьми и прорехами, товарищ Клавдия теряла спокойствие. Уж близок был миг, когда она, вынужденная просить о помощи, должна была нас заметить — меня и Юлию Мартыновну. И миг этот наступил.

Товарищ Клавдия появилась на пороге нашей комнаты, куда она ни разу до того не заглядывала.

Мы с Юлией Мартыновной как раз исследовали дырявое дно ведра. Ведро устало, оно больше не желало служить, оно не хотело жить. Обычно я не задумывалась над вопросом, сколько времени живет ведро. Ведра были во всех магазинах в неограниченных количествах. Они были прекрасного качества и не зависели от событий. Так казалось. Но сейчас было ясно, что голодовки, тифы, международное положение — все это влияло на судьбы ведра.

— Жестящик сказал — больше починять он не может: надо новое дно, — сказала Юлия Мартыновна, держа ведро перед собой и говоря в него, как в рупор, глухо и громко.

— А если новое дно, например?

— Дно мы не можем себе позволить: он за дно такое возьмет, что...

— Послушайте, нет ли у вас иголки? — прозвучал с порога чужой голос. — Ну, и нитки.

Я обернулась. Юлия Мартыновна вынула голову из ведра. Обе мы смотрели на товарища Клавдию. Обеими руками она закрывала громадную прореху на плече: очевидно, ей уже стало невмоготу.

— Иголку? — Интонация Юлии Мартыновны сделалась непередаваемой. — Ах, иголочку вам! — Сколько ядовитого меду было в голосе! — Очень, очень сожалею. Но, к сожалению, к великому сожалению, иголки у нас нет.

В эту минуту Юлия Мартыновна мстила за все: за трусики, возмущавшие ее целомудренность, за ванную комнату, за револьвер. Весь этот разговор был столкновением иглы и револьвера.

— Я дам вам иглу, товарищ Клавдия, — сказала я. — Только она толстая и ржавая: не знаю, как вы будете шить. Другой у меня нет: все остальные у Юлии Мартыновны. Не знаю, зашьете ли.

— Ну, и я не знаю, — мрачно ответила товарищ Клавдия.

Толстой и ржавой иглой с вдернутой в нее лохматой ниткой она зашила свое платье большими косыми стежками, похожими на осенний дождь. Юлия Мартыновна, глядя на это неудачное рукоделие, вздыхала от счастья...

Ворончик, тот самый, который перелетел канаву и сам не заметил, — Ворончик захворал, и его перевели болеть к нам во двор, в сарай, где раньше лежали дрова. Ворончик ничего не ел и стоял понуро, как будто размышлял о бессмысленно прожитой и никчемной жизни. Мне же, наоборот, казалось, что жизнь его была удачна и богата. Несомненно, он побывал на фронте, на разных фронтах. Он знал удачу, запах опасности щекотал его ноздри. Ветер преследований и погонь гудел в его ушах, дни его были полны, ночи озарялись кострами. Теперь он все это забыл. Проходя мимо сарая, можно было видеть темный круп, заслонявший небольшое окно: круп все худел и опадал, занимал все меньше места, и в сарае становилось всё светлее.

Испробовав домашние средства, к Ворончику решили позвать ветеринара. Сделать это было нелегко. Город не был приспособлен для болезней не только лошадей, но и людей.

В ближайшей больнице главный врач был совершенно умучен: он лечил внутри больницы и вне ее. В пасхальную ночь, когда больница была сравнительно тиха, в эту ночь главврача спешно вызвали на окраину города к корове, ободравшей себе вымя о плетень.

Тщетно уверял доктор, что коров он не лечит, что его этому не учили. Посланный за врачом человек смотрел на него в упор, вертел веревочку в руках, и видно было, что он не уйдет: корова была необходима, так как обслуживала ясли.

Главврач со страхом взирал на свою пациентку. Надев пенсне, он подлез ей под брюхо и исследовал рану: рана была устрашающая.

Главврач, забирая голову в плечи, чтобы не видеть склоненных над собою рогов и безумного коровьего глаза, влажной и дрожащей рукой зашил рану. Вокруг стояли люди с фонарями. Желтый круг света освещал прошлогоднюю солому на земляном полу, корыто с помоями и коровий хвост, перепачканный кровью. Корова перетерпела всё без наркоза.

Продолжение следует

Что в имени твоём?

В числе вспомогательных исторических дисциплин — геральдики, сфрагистики, нумизматики и других — топонимика наиболее утилитарна. Впрямь, ведь мы не ежедневно размышляем над смыслом гербовых символов, формами печатей или особенностью изображений на монетах. Названия же улиц, переулков, площадей мы постоянно произносим, пишем, читаем в документах и книгах. А сколько эмоций вызвала эпопея возвращения старых названий, которая канула в прошлое, оставив пепел зрящих страстей, ломаные копья сиюминутных суждений и... осознание того, что наши предки этими названиями, как говорится, не разбрасывались.

Справедливости ради нужно отметить, что неудачные переименования случались и в старой Одессе. Замена безликого названия Новой улицы на Маразлиевскую возражений не вызвала, а переименование унылой Глухой в Запорожскую было только во благо. Но тогда «коренная» Канатная стала улицей Полтавской победы, а Госпитальную, названную так по расположенной там старейшей в городе Еврейской больнице, переименовали в улицу 19 февраля 1861 года, в память отмены крепостного права, которого в наших краях отродясь не было. Только это были единичные случаи, тотальное же разрушение топонимики старой Одессы началось в 1920 году. Понятно, что новая власть поступала сообразно своей идеологии, но даже это можно было делать не столь жестоко и бездарно. Чью душу мог затронуть «Мост имени 4-х повешенных», улица 10-летия пожарной охраны или Кустанайская?

Переименования часто чреватые неожиданностями. К примеру, срывает «синдром тропы», упорно протаптываемой по газону только потому, что так ходить удобнее: в районе Аркадии был когда-то Шарлотинский переулок, который по

удобному созвучию именовали Шарлатанским. Выбирая новорожденному имя, нужно учитывать его сочетание с отчеством, а при переименовании городского объекта стоит озаботиться тем, чтобы сопоставление старого и нового названий не обернулось комизмом, как оно произошло с Приморским бульваром. В 1877 году в честь Великого князя Николая Николаевича бульвар переименовали в Николаевский, позже подробности забылись и это название связывали уже с императором Николаем II. Но, когда в 1920 году новая власть нарекла бульвар фамилией революционера Фельдмана, остроумные одесситы тотчас «ответили» анекдотом о приезде, который нанял у вокзала старого извозчика: «На бульвар Фельдмана». «Куды?», — вопрошает извозчик, и пассажир шепотом поясняет: «На Николаевский бульвар». «Это ж надо, — недоумевает старик, — тридцать лет ездию по Одессе и не знал, что Николаю была фамилия Фельдман!» Можно вспомнить и переименование Пале-Рояля. Это «залетное» название так органично связалось с живописным уголком города, так «легло» на музыкальный говор одесситов, что многие и не заметили, как его «отменили» и вернули лишь в середине 1990-х годов. А до этого Пале-Рояль десятилетиями числился... «сквером имени Чарльза Дарвина». Как говорят в Одессе, что можно сказать, кроме ничего, разве вспомнить город Пищеслав из повести И.Ильфа и Е.Петрова, в котором стояла конная статуя профессора Тимирязева...

Все это уже отходит в область городского фольклора. Но нужно помнить, что топонимы не всегда столь нейтральны, каковыми представляются на первый взгляд. В определенной ситуации они могут стать детонаторами общественного спокойствия, и относиться к их выбору надлежит осмотрительно. Топонимика же Одессы, ее история, тайны, загадки, зловключения и воскрешение заслуживают честного и скрупулезного исследования, а в газетной

статье можно разве что пунктиром отметить некоторые принципы ее формирования...

Одесса родилась у моря, которое «выпеснулось» в город Гаванной, Морской, Черноморской улицами, Матросским спуском, Маячным переулком... Изначально в Одессе жили люди разных национальностей, и отображением их расселения остались Болгарская, Греческая, Еврейская, Польская, Большая и Малая Арнаутские улицы. Принадлежность одесситов к различным религиозным конфессиям и дислокацию культовых зданий зафиксировали названия Троицкой, Преображенской, Успенской улиц, Соборной площади, Богословского, Евангелического, Лютеранского, Покровского переулков... О сословиях напоминают Дворянская и Мещанская улицы, о профессиях — Каретный переулок, Ремесленная, Дегтярная, Кузнечная, Провиантская... Последние три улицы примыкают к Тираспольской, которой начиналась дорога на Тирасполь, и вблизи ее, понятное дело, жили те, кто обслуживал пассажиров и содержателей заведений «извозного промысла», — кузнецы, хозяева съестных лавок, продавцы дегтя, коим всенепременно смазывали оси колес. По функциональному признаку получила название и Херсонская улица — начало дороги в губернский город, а соответственно рельефу местности — Балковские.

Многие названия восходят к некогда почитавшимся на отдельных улицах «главным» зданиям, учреждениям, предприятиям. Если «пальма первенства» отходила к другому объекту, улице, случалось, переименовывали. Например, после сноса старой тюрьмы и строительства на ее месте земской управы Тюремный переулок стал Земской улицей — теперь это улица Лейтенанта Шмидта. К слову, мы иной раз совершенно бесцеремонно обращаемся с узаконенными названиями: в перечнях да списках эту улицу

Николаевский бульвар. 1910-е гг.

нередко именуют улицей Л.Шмидта, будто Лени или Левы! По «главным» зданиям названы Думская, Вокзальная, Таможенная площади, Казарменный и Штабной переулки, Гимназическая, Канатная, Мельничная, Водопроводная улицы...

До сооружения водопровода одесситы брали воду из колодцев, в частности, в Колодезном переулке, и из источников, именованных фонтанами, — отсюда Малый, Средний и Большой Фонтаны. На Большой Фонтан бегал когда-то паровозик с несколькими вагончиками, и его остановки, естественно, именовали «станциями». Спуском же электрического, как его называли, трамвая «станции» остались, но вблизи депо появился Ватманский переулок. А неподалеку от него — знаменитый «Привоз», который «унаследовал» название располагавшейся тут ранее Привозной площади, куда привозили и складировали товары для других рынков.

Немало улиц называли именами тех, кто в глазах одесситов достоин таковой почести, но это уже тема отдельного рассказа. Равным образом мы не коснулись и происхождения неофициальных, фольклорных названий отдельных кварталов, районов, спусков, пляжей: Канава, Косарка, Курсаки, Сахалинчик, «массив» на Ланжероне...

Но и без того понятно, что названия улиц, переулков, площадей, которые музыкой отдаются в сердцах одесситов, — это такое же достояние, как памятники истории, культуры, архитектуры... И так же их должно беречь, как связь времен, как память о прошлом, которое было для наших предков настоящим, а еще раньше — будущим...

113 лет назад, 28 января 1897 года, родился Валентин Петрович Катаев. Не «круглая» эта дата, но разве стоит дожидаться таковой, чтобы вспомнить писателя, чьи книги были и остаются для нас своего рода путеводителем по старой Одессе.

Писательница Эльза Триоле любила писать о городе, когда уже не живет там, и «город становится далеким». И В. Катаев, когда переехал в Москву, во многих подробностях описывал Одессу своего детства и юности.

Старые газеты и справочники сберегли сведения о коммерческой жизни города, интересные и сегодня, — время лишь «перевело» их из разряда сиюминутных в категорию исторических. Но кто, кроме Катаева, покажет, как луч солнца «зажигается красно-янтарным огнем в рюмке настоящего «опорто», купленного... в гастрономическом магазине Крапивина за два рубля пятьдесят копеек?»

Диапазон таких реалий широк: от фешенебельного магазина Крапивина на Дерибасовской, 16, до нищей лавки на Малой Арнаутской, «где продавался вонючий керосин-петроль, сливовое повидло в бочках, древесный уголь... и ржавые селедки в кадочках, и маслины, и брынза...».

В справочниках упоминается кондитерская Амбатьелло на Канатной, 46, но только Катаев уточнит, что «тонкие сушки из кондитерской Амбатьелло всегда были в легком мешке из

очень тонкой бумаги». Попутно мы узнаем, что штилеты купали в магазине Яковенко, гимназическую форму — в конфекционе готового платья Ландесмана, игрушки — у вдовы Колпачки на Екатерининской, пианино — в Торговом доме Рауш, мебель — у братьев Тонет и массу разных вещей — в «знаменитом универсальном магазине братьев Петрокино на Греческой». А обычная мочалка «вкусно пахла хорошим аптекарским магазином Лемме» — это была старейшая фирма аптекарских и косметических товаров на улице Жуковского, 20.

А на Ришельевской, 12, был книжный магазин, и Катаев отметил, что «уже одна его узкая, скромная вывеска «Образование» внушала чувство глубокого уважения». Из «Образования» волею автора можно перенестись в Городской театр, в «буфет в фойе бельэтажа», где нам предстоит поверить, что «не было ничего прекраснее театральных бутербродов, в особенности маленьких круглых бутербродиков с... паусной икрой, по двадцать копеек за штуку». К слову, по части цен у Катаева

есть любопытное свидетельство о том, что «красная икра и кета стоили очень дешево, заменяя в небогатых домах черную икру и семгу». Экономисты могут объяснить, а остальные — тихо завидовать...

Рядом с театром Дерибасовская сияла витринами магазинов Баржанского и Пурица, чьи имена остались в анналах одесской торговли. Из старых изданий можно выяснить, что эти магазины были, соответственно, в домах № 31 и 11, но

лучше обратиться к Катаеву: «Баржанский был владельцем одного из лучших часовых магазинов на всем Юге России, однако не самого лучшего: лучшим считался магазин Пурица». А на углу Преображенской «знаменитый одесский пассаж, нисколько не уступающий парижским», — как со знанием дела уверяет Катаев. По его словам, «одесские магазины имели вполне европейский вид, а приказчики в визитках и полосатых штучных брюках, в высоких стоячих крахмальных воротничках, с напояженными... проборами представлялись наимоднейшими европейцами».

Самый же элегантный приказчик, на котором был, как его описал Катаев, «серый клетчатый американский костюм, желтые, почти красные американские башмаки на толстых подошвах, часы-браслет на руке и сигара во рту», служил в «Магазине электрического оборудования», который потрясал воображение и кошельки одесситов. «В

городе только начиналась проводка электричества, — вспоминал Катаев, — а предприимчивая «Всеобщая компания электричества» уже заблаговременно открыла магазин, где можно было купить все для электричества».

А зимой «в окнах фруктовых лавок... виднелись волосатые кокосовые орехи, ананасы, висели пудовые ветви бананов...». Недавно это было для нас экзотикой, а теперь появилось в магазинах, и мы лишним раз убеждаемся, что это лишь хорошо забытое старое, о котором, «уничтожая память время», писал Валентин Катаев.

Страницу подготовил Ростислав Александров

З а п и с к и ж и л ь ц а

Семен Липкин

Начало в 44

Когда Миша пришел домой, он увидел, что мама лежит на кровати с головой, повязанной полотенцем. От нее пахло уксусом. Папа, Федор Федорович, без пиджака, в незастегнутой жилетке (кадык его был сдавлен твердым крахмальным воротничком), дрожавшими руками наливал валерьяну, отсчитывая губами капли.

— Явился, босаяк? Где пропал? Маму в гроб загнать хочешь? Давно ты у меня ремешка не пробовал!

Ремешок был иероглифом гнева. Миша его никогда не пробовал.

— Папа, не сердитесь, я гулял с Александром Рафаиловичем, до Кардинальской и обратно. Папа, я петлюровцев видел!

У Федора Федоровича была привычка — неслышно, одними губами как бы повторять слова собеседника. Миша любил эту папину привычку, даже пытался ей подражать. Он подошел к отцу, ухватился за его подтяжки, потерся носом о нижнюю пуговицу жилетки.

— Мишенька, поешь, родной, синенькие и помидоры, а потом грушу, только ты ее помой, я забыла, — как всегда, слабым голосом сказала Юлия Ивановна. — Мы еще с тобой немецким не занимались. Как тебе не стыдно так меня мучить, сколько я дум передумала, а тебя нет, и у Цыбульских нет, и у Володи. Евреи прячутся у Чемадуровой, я решила, что ты там, с Елечкой, пошла, а тебя нет. Разве можно в такое время уходить из дому? Вода не идет, на кухне стоит миска с водой. Достань из шкафа свежее полотенце, суровое.

Миша жадно ел и расписывал петлюровцев. Шутка сказать, еще никто их не видел, а он видел.

— Папа, Александр Рафаилович говорит, что это проснулась народная сила.

— Он дурак, — рассердился Федор Федорович. — Университет окончил, а в жизни разбирается, как индус в итальянской бухгалтерии. Ну, пойдем, проведем соседей. Это позорно, что ты именно сейчас покинул своих друзей.

— Миша, возьми грушу для Елечки, — сказала Юлия Ивановна. — Возвращайтесь поскорее. Господи, спаси несчастных, покарай злодеев!

— Юля, мы только на минутку. Я к тебе пришлю Рашель.

— Да, да, надо вам туда, ступайте. А разве Рашель...

— Дома сидит. Не верит, что будет погром. Цыбульский орал на нее, но она ведь упрямая.

В магазин Чемадуровой пошли со двора, через комнату Сосновики. Двери в комнату были раскрыты настежь, мебель придвинута к стенам, чтобы легче было убежать, если погромщики все-таки ворвутся к Чемадуровой. А куда убежать?

Федор Федорович постучал, пройдя с Мишей через всю комнату, в железные двери магазина:

— Откройте, это я, Лоренц.

Засов на дверях со стороны магазина был снят и косо упирался в пол. В магазине была полутьма. Шторы на всех окнах спущены, свет проникал через узорное стекло наружных дверей, и этот солнечный свет улицы казался тоже испуганным, он с какой-то уничижительной робостью ложился на паркет, на длинную темную стойку, на иконы, пустые оклады, кресты различной величины, на полки, где стояли чаши, подсвечники, кадильницы, фонарики, не распроданные на

Пасху, где лежали ризы, сложенные исподом вверх, пакеты с восковыми свечами. И на лица падал этот свет, на лица стариков, мужчин и женщин, которые обрели первоначально ханаанские черты. И на лики падал этот свет, на лики апостолов, и они ожили среди соплеменников своих, и византийские их глаза, выдавшие нездешнюю красоту, спасительное чудо, наполнила простая, грубая, земная правда страдания.

Лицо притихшей Зинаиды Моисеевны стало прекрасным от страха за себя, за мужа, за свою девочку. Она стояла, прижимаясь спиной к холодной кафельной печке и обнимая старую свекровь. Ионкис в визитке (он вчера гулял всю ночь у родственников на свадьбе) и стоял Димитраки сторожили у наружных дверей, на которые умышленно не были спущены шторы: здесь, мол, православные, бояться им нечего. Казалось, что смугло-желтое лицо Димитраки написано восточным богомазом.

На собственной табуретке сидела жена Ионкиса, мелкокурчавая пышная красавица, и часто дышала своими большими белыми яблоками в шелковых сумках лифчика. Фрида Сосновик лежала животом вверх на вытертом кожаном диванчике: здесь обычно сживали в своих холщовых подрысниках оптовые покупатели — священники из окрестных степных сел. Вольф снимал батистовым платочком капельки пота со лба жены.

У крайнего подоконника в серой мгле шепотом беседовали мужчины: скорняк Беленький, Абрам и Александр Кемферы, подмастерье Ионкиса Бориска Варгавтик. Скорняк мучился: он порывался подробно рассказать о том, как Троцкий запретил Симону Петлюре устраивать еврейские погромы и за это отдал ему Одессу, Херсон и Николаев, кое-что он слышал, кое-что придумал сам, он знал, что этот рассказ будет приятен Бориске, который, говорят, что начал крутиться последнее время возле большевиков (а почему бы не сказать приятное человеку?). Слова так и вырывались из его рта, но Беленький боялся оскорбить чувства их спасительницы — Чемадуровой.

Детей не было видно: они прятались за длинной стойкой, пересекавшей весь магазин. В конце стойки на высоком, с лесенкой, стуле грузно возвышалась у кассы-конторки маленькая Чемадурова, уже тогда старая, но еще крепкая. Золотой крестик смутно мерцал на ее полной груди. Она сурово, как бы нехотя отвечала на какие-то горячие речи мадам Варути, наклонившейся к ней из-за конторки.

То, что вместе с искавшими спасения находились Чемадурова, Димитраки, Федор Федорович, мадам Варути, что именно в магазине церковной утвари спасались преследуемые, не было в те времена случайностью. Потом времена переменились.

Люди, строго и привычно дожидавшиеся своей участи, пыльная полоска света, дрожавшая в помещении, — не напоминало ли все это картину из годов раннего христианства? Полумрак, блеск икон и крестов, блеск расширенных глаз святых мучеников и живых, грешных людей — так, наверно, было в катакомбах Рима при Нероне, в малоазийских провинциях при Юлиане Отступнике, в Александрии во времена Ипатии. И подобно тому как на полотне, очищенном от нелепых, вялых красок ремесленника, проступает могучая старая живопись, — проступили и в том, распятом, черты сына плотника из горной

Галилеи, и он стал похож на Абрама Кемпфера, на Беленького, и его глаза, прежде недвижимые, наполнились бездонным и жарким, вдохновенным и деятельным стремлением спасти детей своих.

Никаких звуков не доходило с Николаевского проспекта, всегда такого оживленного, и это молчание города только усиливало страх. Миша зашел за стойку. Внутри нее, в длинном чреве за полузакрытой задвижкой, спали на матрасике годовалые ровесники — Соня Ионкис и Фанни Кемпфер. Трое младших Беленьких, здоровые драчуны и зубоскалы, играли в подкидного дурака. Еля Сосновик, вытянув, насколько могла, кривые гипсовые ножки, сидела на низком чемоданчике. "Здесь, наверно, спрятано золото Вольфа", — вспомнил Миша разговоры взрослых. Володя Варути, хотя и сидел на полу, казался выше Ели. Он говорил, заикаясь сильнее обычного:

— Никакого Бога нет. Сама посудите: разве можно было создать Землю за каких-нибудь шесть дней? Она миллиарды лет была раскалена, может, триллионы лет охлаждалась. Ну, естественно, появились на ней живые существа, крохотные, вроде бактерий.

— Как же они все-таки появились? Из ничего?

— Дурочка, подумай: откуда на человеке появляются вши? От грязи. А Земля же была грязная. Вся трудность в том, чтобы возникло хоть что-нибудь живое, а тут и человеку появиться — плевое дело.

Еля задумчиво отвечала:

— А мне хочется верить в Бога. Я люблю его. Я люблю читать Библию, особенно про Иосифа, как братья его продали в Египет. Такая странность: когда читаю, я плачу, но мне хорошо...

— Здравствуй, Еля, — сказал Миша и дал ей грушу.

— Спасибо. Где ты был?

— Я видел петлюровцев.

— Вот брехун, — сказал Володя.

Раздался стук в дверь из комнаты Сосновики. Еля сползла с чемоданчика. Женщины завопили.

— Не бойтесь, — крикнул стоявший у двери Маркус Беленький, взрослый сын скорняка, — это Костя Помолов!

— Только большевиков мне тут не хватает, — сказала Чемадурова. — Имя отца позорит. Не надо впускать этого грабителя.

Но Костя Помолов уже вошел в магазин. Миша навсегда запомнил это мгновение: растерянное лицо альбиноса Маркуса, болезненно-белесое (потом это лицо стало другим, совсем другим), и нескладная фигура Кости Помолова, который снял фуражку с двумя молоточками, заморгал близорукими глазами и начал:

— Товарищи...

— По вертепам сидят твои товарищи, а здесь честные люди, — отрезала Чемадурова.

— Товарищи, погромы не будут. Сейчас в Городской думе выступил с речью атаман Хмельюк. Он приветствовал нашу славную Красную Армию, с которой Петлюра заключил соглашение. Мы выберем Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Гидра империализма будет обезглавлена. Атаман товарищ Хмельюк заявил: "Мы вышибем стул из-под задницы Пуанкаре!".

— Я же говорил, среди этих гайдамаков есть интеллигентные люди, — вмешался Беленький. Помолов продолжал:

— Самое главное: атаман Хмельюк заверил, что петлюровцы, как социалисты украинской нации, никогда не устроят погромы.

Пусть население живет и работает спокойно. Ни один волос не упадет с головы еврея.

— Что я вам говорил! — возликовал Беленький. — А! Паршивые евреи никогда мне не верят!

Трое младших Беленьких захохотали.

— Пусть Бог благословит большевиков, в конце концов, они лучше других, — сказала Зинаида Моисеевна и, опасливо посмотрев на владелицу дома, быстро исправила ошибку: — Но если бы я сшила саван для них, я бы успокоилась.

Чемадурова обвела магазин властным взглядом своих узких, кажих-то инородческих глаз, остановила их на Косте Помолове, на Бориске и медленно проговорила:

— Цыбульский всех нас умнее, а он сказал: "Одна шайка". Возиться мне с вами ни к чему, мне торговать надо, но я советую вам провести ночь в магазине. Большевикам да петлюровцам верить нельзя. Как христианка, я должна вам помочь, это мой долг, а вы поступайте как знаете.

— Конечно, о чем речь, ночевать будем тут, — сказал Беленький. — Пусть Бог семью семь раз воздаст мадам Чемадуровой за ее доброту, аминь.

— Аминь, аминь, — повторила Зинаида Моисеевна и заплакала.

Учитель Александр Рафаилович вышел из магазина нарочито твердой походкой. И Миша опять подумал: какой он храбрый!

В городе уже знали, что погромы не будут, и все же опасались: а вдруг будет? Но на другое утро женщины, как всегда, пошли на базар, появилась дворничиха Матрена Терентьевна с черной жесткой метлой и совком, почтальон принес "Новости Юга" с речью атамана Хмельюка. Дворник Ненашев вывесил на балконе квартиры Помолова желто-голубой флаг. У него рядом с метлой и деревянной лопатой на одно и то же древко были намотаны все знамена, кроме красного: дворник не любил его.

Так начался этот день. Володя Варути в новой — перелицованной — матросской блузе пришел к Мише и сообщил:

— Слышал? В Немецком клубе теперь будет украинский театр. Декорации привезли, на двух подводах. Пойдем, сейчас там репетиция. Елю с собой возьмем.

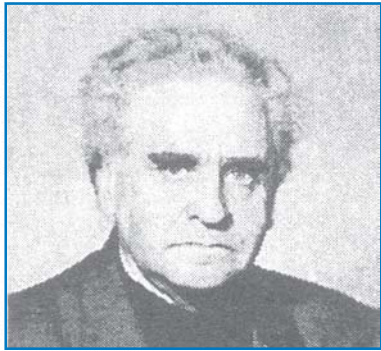
Миша никогда не был в Немецком клубе. Лоренцы уже в прошлом веке обрусели, у них не было ни родственников, ни даже знакомых среди колонистов-менонитов и городских немцев. Миша видел, как по воскресеньям у серого здания с островерхими башнями собирались нарядные господа, веселые, вежливые, со степным загаром на упругих щеках, те, что попроще, были в твинчиках с бархатными нагрудниками, женщины были очень худые или очень толстые — середины не было, — мальчики были одеты, как взрослые, как на картинках из книг Де Амичиса или Гектора Мало — с галстуками, в широкополых шляпах с резинками, — и у всех в руках были плетеные круглые корзины с едой. Однажды Миша заметил, что в клуб входил Теодор Кемпфер с дамой, Миша узнал ее, то была Марта Генриховна, всегда сидевшая за кассой в писчебумажном магазине Генриха Шпехта.

Фойе клуба, выстланное квадратными плитками из итальянского мрамора (камни мостовой — остывшую лаву, изверженную Везувием, — тоже когда-то вывезли из Италии), было теперь грязно, заплевано.

Продолжение следует

Страна Поэзия

Марк ЛУЦКИЙ

Родился в 1940 г. Окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького, кандидат химических наук. Поэт, переводчик. Автор четырех поэтических сборников "Мой репортаж, или Сто один шарж", "Размышляю, чувствую, смеюсь", "Встречи", "Перстень Соломона".

Родные
соплеменники мои

В кабачке "Гамбринус"

Мы в Одессе, в кабачке «Гамбринус».
Горожане жадно пиво пьют.
На пластинке-диске «Наутилус»
Электронный создает уют.
У кого-то жуткое похмелье,
У кого-то сумерек закат.
Здесь давно в одесском подземелье
Обретался Сашка-музыкант.

Никакого не было оркестра,
Только Сашка, да собачка с ним.
Сашка, доморощенный маэстро,
Музыкант, воспетый Куприным.
Как играл он в зале вечерами
На чудесной скрипочке своей!
Грузчики с лопатами-руками
Одобрjali: «Правильный еврей...»
Он собою заполнял «Гамбринус»,
Заставляя «Фрейлахс» зал плясать.
Разве может мощный «Наутилус»
Что-нибудь подобное сыграть?
Мы уходим — море перед нами,
Виснет в небе месяц-господин.
Вслед глядит татарскими глазами
Александр Иванович Куприн.

Мое сходство
с Иосифом Бродским

Мы оба родились в сороковом.
И оба в мае.
И в двадцатых числах.
Три дня лишь разность.
В паспорте моем
Национальность та же,
Что на нем повисла.
Фамилии — из близких.
Ближних мест.
Ласкают их
Одни и те же ветры.
Есть город Луцк
И город Броды есть
На расстоянье

В сотню километров.

И нас обоих
Обожгла война,
Обоим показав
Свое уродство.
Поэзия Иосифа сильна.
Вот здесь-то
И закончилось сходство.

Разговор в редакции

Рине Левинзон

От сердца идущие строчки
Как будто спели на бал.
Она принесла на листочке
Стихи в молодежный журнал.
Сказал ей редактор-писатель:
— Я их напечатать готов.
Да имя вот... не для печати,
Фамилия... не для стихов.
Обида в груди закипела
И всю захватила в полон:
— Скажите, какое вам дело?
Ведь был же прекрасный Надсон!
Вы, видно, немного забыли, —
Так я приведу вам в пример
Набор из похожих фамилий —
Маршак, Пастернак, Алигер...
Ответил: «Легко рассуждаешь,
Ты так рассуждаешь легко.
А что ты про Фефера знаешь?

Про Маркиша, Лейба Квитко?
Растерянно, молча стояла
Девчонка с листочком своим.
А он лишь заметил устало:
— Все ясно? Бери псевдоним.

Снежинки

Однажды в нашем оперном театре
Из-за чего — не сразу ты поймешь,
Когда плыла Царевна на пуантах,
Антисемиты подняли галдеж.
Им показалось, что над царским тронном
В орнаменте, что сцену украшал,
Художник с сионистским легионом
Звезду Давида щедро разбросал.
В ответ художник только улыбался:
Мол, как такое в голову придет?
Ведь он по мере сил своих старался
Изобразить снежинок хоромов.
— Ну нет! — ему кричали юдофобы
В тупосвященной ярости своей:
— Мы знаем сионистов вашей пробы!
Да у снежинок нет шести лучей!
Горсть снега юдофобы притащили
И — в микроскоп! Но все ж старались
зря:

Снежинки красотой глаза слепили,
Шестью лучами радостно горя!
Зимой снегами вся страна покрыта,
Их мягкий пух любой чарует взгляд.
На злобу и на страх антисемитам
Пусть маленькие звездочки горят!

Навстречу северной Авроры.
Звездой севера явись!

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Детский
уголок

Афанасий Фет

Мама, глянь-ка...

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.
Не колючий, светло-синий
По ветвям развешен иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой

Все убрал кусты.
Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!».

Береза Сергей Есенин

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти

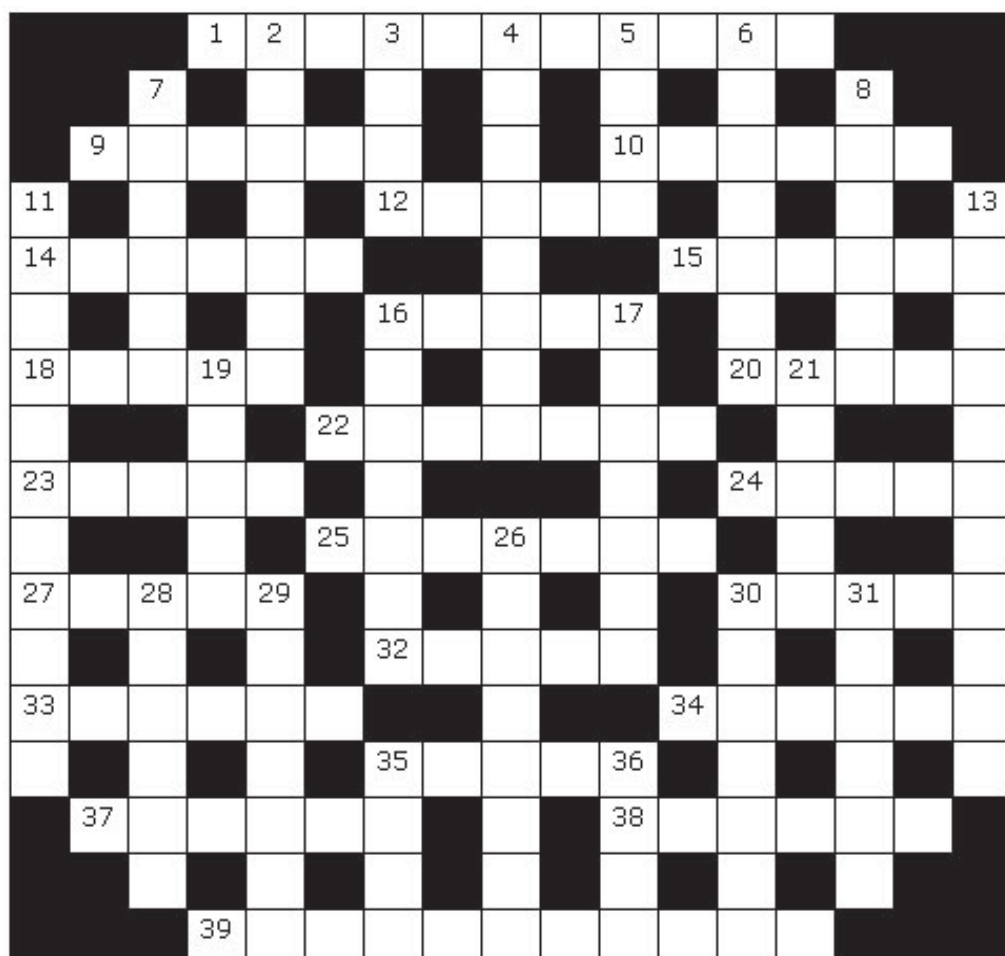
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Александр Пушкин

Зимнее утро

Мороз и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный.
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры

Кроссворд

По горизонтали: 1. Деталь, частность. 9. Род листопадных голосеменных деревьев. 10. Ошибка по рассеянности в письменном тексте. 12. Старинный французский танец. 14. Прежнее название Таллинна. 15. Канцелярская принадлежность. 16. Повесть Александра Куприна. 18. Оппонент крестика. 20. Характер с причудами. 22. Птица семейства рябков. 23. Мусульманский Вельзевул. 24. Стадо овец. 25. Человек, пассивно участвующий в деле. 27. Ближний друг. 30. Древнегреческий архитектор (храм Аполлона в Бассах). 32. Высокомерие, гонор. 33. Придворный художник Александра Македонского. 34. Чешский композитор, скрипач, дирижер, педагог, глава мангеймской школы. 35. Герой немецких народных легенд и произведений мировой литературы, символ человеческой тяги к знаниям. 37. Ложь, неправда. 38. Американский писатель-фантаст, автор сборника рассказов "Я — робот". 39. Город на востоке США, основанный в 1682 году.

По вертикали: 2. ... стекла. 3. Режиссер фильмов "Третья мещанская", "Привидение, которое не возвращается", "Нашествие", "Суд чести". 4. Зодиакальное созвездие. 5. Кошачьи роды. 6. В Версале есть дворец Большой 7. Сельдяной кит. 8. Командир несамоходного речного судна. 11. Измерительный инструмент. 13. Распутница. 16. Болван, бездельник. 17. Характеристика светящихся тел. 19. Чилийский порт. 21. Физик, знаток линз. 26. Хилость, слабосильность. 28. Украшение в виде носовой части древнего судна. 29. Спортивная обувь. 30. Рассказ Антона Чехова. 31. Малайский нож. 35. Отдельная группа обмоток генератора. 36. Старое русское название разбойника, вора.

Ответы на кроссворд в газете «Доброе дело» № 50

По горизонтали: 1. Муфтий. 4. Загорбок. 9. Развод. 10. Сановник. 12. Бром. 13. "Бег". 15. Меню. 16. Бом. 17. Иол. 19. Лион. 20. Карское. 24. Философ. 27. Соло. 30. Даг. 31. Рея. 32. Храп. 33. Чин. 34. Харч. 38. Литургия. 39. Корбут. 40. Тухманов. 41. Лесков.

По вертикали: 1. Мирабель. 2. Физиолог. 3. Инок. 5. Адам. 6. Окоп. 7. Бункер. 8. Коклюш. 11. Демагог. 13. Бок. 14. Фок. 17. История. 18. Лоб. 21. Жид. 22. Мозамбик. 23. Кокчетав. 25. Лай. 26. Фен. 28. Эхолот. 29. Пастух. 35. Арка. 36. Жито. 37. Фойе.

Ана, еді еіаао аісііаіінуу іііі-у іаеіеіоуеі
 ерррр,
 іаііааеуеа, ііаеіооа, ріаіе аісііну іі аааао:
 Оааеіа, 65023, а. іаааа, іііііііііііі
 даеіі,
 ое. іааеііаау, 77/79.
 АО "Оаааа Оаааае Оаіі"
 еіа ііііі 34321888
 д/н 26003321218601 АА "Іеаааііуе"
 а. іаааа іііі 328209

ВНИМАНИЕ!
 При БФ "Хесед Шаарей Цион" продолжает работу Общественная приемная, куда можно обратиться с жалобами, предложениями и советами по вторникам и пятницам с 10.00 до 14.00 (ул. Нежинская, 77/79, 2-й этаж, кабинет №227 "Волонтеры").

Улыбка

— Ты счастлив со своей женой?
 — О да! Мы так сильно любим друг друга, что уже трижды откладывали развод.

— Сейчас ты у меня получишь...
 — Папа, ты можешь меня отстегать ремнем, но учти, я то же сделаю с твоими внуками.

— Дорогой, поведи меня туда, где я ни разу не была.
 — Хорошо, идем на кухню.

— Милая, я в растерянности. Надо заплатить за квартиру, воду и электричество...
 — В чем проблема?
 — Кому не заплатить раньше?

— Ну и идиотка же ты!
 — Конечно, вышла бы замуж за генерала — была бы генеральшей.

— Где я?
 — В раю.
 — Ой, умру от смеха!
 — Над чем ты смеешься?
 — Над докторами! Болваны! Я уже здесь, а они меня там еще оперируют.

— Ваша дочь согласна стать моей женой.
 — Сам виноват. Нечего было ходить к нам каждый вечер!
 — Только последний дурак станет спорить с идиотом.
 — Согласен...

— А я своей любимой на Новый год подарок под елку положил!
 — А она что?
 — А она его до сих пор ищет: тайга-то большая!

— Ты еще не забыл, что 100 баксов мне должен?
 — Да что ты! До конца дней своих помнить буду!

— Роза, как тебе нравится мое новое платье?
 — Извини, Сара, я спешу, мне сейчас, сама понимаешь, не до скандалов!

— Маня, ты рядом?
 — О да, мой дорогой.
 — А мои дети здесь?
 — Да, папочка.
 — Мои внуки здесь?
 — Да, дедушка!
 — Тогда почему на кухне свет горит?

— Миша, ты закрыл дверь на ключ?
 — Закрыл.
 — А на засов?
 — Закрыл.
 — А на цепочку?
 — Закрыл.
 — А на швабру?
 — Ой, забыл.

— Ну вот! Заходи и бери, что хочешь!

— Дорогая, разбуди меня, когда я захочу выпить.
 — А как я узнаю?
 — Да ты только разбуди.

— Папа, с какой стороны от женщины должен идти мужчина?
 — С той стороны, где витрины.

— Моя жена посела от размышлений.
 — О чем же она размышляет?
 — Кем стать — блондинкой или брюнеткой.

ВНИМАНИЕ!
 ЖЕЛАЮЩИЕ ПОЛУЧАТЬ ГАЗЕТУ "ДОБРОЕ ДЕЛО" В 2011 ГОДУ ДОЛЖНЫ ОПЛАТИТЬ ПОЧТОВЫЕ РАСХОДЫ ПО ЕЕ ДОСТАВКЕ.
СТОИМОСТЬ НА ГОД — 6 грн. 30 коп.
ИНДЕКС ГАЗЕТЫ — 09720.
 Оформить подписку можно в любом почтовом отделении Одессы и Одесской области или в
БФ "Хесед Шаарей Цион" по адресу:
 ул. НЕЖИНСКАЯ, 77/79,
 2-й этаж, кабинет № 227,
 по понедельникам и средам
 с 9⁰⁰ до 13⁰⁰

ВНИМАНИЕ!
 Программа "Мокед-Лакашиш" осуществляет диагностику и мелкий ремонт электробытовых приборов, предметов быта, склейку, пайку, кленку и заточку ножей мясорубок.
 Все, принесенное на ремонт, должно быть чистым, в кульке с указанием названия предмета, фамилии, адреса и телефона клиента.
 Не принимается и не диагностируется самостоятельно разобранная и разукомплектованная бытовая техника, предметы быта в пластмассовых корпусах: электроблендеры, электроутюги, электрочайники и т.п.
 В связи с загруженностью, клиент может сдавать в ремонт не более одного предмета каждые полгода Григорию Львовичу Махлису по адресу: ул. Нежинская, 77/79, 2-й этаж, каб. № 246, по четвергам с 11 до 13 часов.

ВНИМАНИЕ!
 В Культурном центре Хесед работает Романтическая гостиная "Любви все возрасты покорны".
 Одиночество — не лучшее состояние человека.
 Все, кто хочет приятно провести время, познакомиться с интересными людьми, найти друга или подругу, приходите к нам по средам в 16.30.
 Справки по тел.: 737-40-13 и 755-67-38.

Внимание!
 Для создания клезмерского ансамбля Культурного центра Хесед приглашаем музыкантов-инструменталистов: кларнетиста, аккордеониста, скрипача, пианиста, ударника.
 Звонить по тел. 737-40-13
 Анне Львовне Розен.

Приглашает поэтов.
 В программе: основы стихосложения, творчество поэтов — классиков и современников, творческие вечера.
 Заседания проводятся в Культурном центре БФ "Хесед Шаарей Цион" по средам в 14.00.
 Адрес: ул. Нежинская, 77/79

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИЕЧКОВ
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Со 100-летием Гринько Клавдию	Смолкина Льва	Присяжнюк Татьяну	Генинберг Серафиму
С 95-летием Сафро Цивью	Чумаченко Ольгу	Пуземского Семена	Грекову Елену
Ланового Евгения	С 85-летием Бетельману Елизавету	Сидорову Иду	Занис Рину
С 90-летием Бородину Анну	Винокурова Михаила	Ткаченко Валентину	Зигмана Григория
Купневич Лидию	Вишневого Николая	С 80-летием Бекермана Лейба	Злотникова Галину
Левина Савелия	Елисееву Марию	Биренбаум Софью	Зубер Фаню
Одесскую Галину	Коняхина Михаила	Бовшика Анатолия	Лихачева Александра
	Лирцман Риту	Бочину Людмилу	Ободовского Александра
	Полищука Матвея	Визирову Лидию	Рабинович Калерию
			Стратонову Клавдию
			Шраго Леонида

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧИЧКИКОВ — ВОЛОЧКЕРОВ
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Гершун Ольгу	Канчик Джанну	Нефедову Надежду
Гоцульского Якова	Кузнецова Александра	Нисенбаум Эмилию
Дучеву Антонину	Лукьянову Евгению	Райхиль Аллу
Загурскую Галину	Михайлуцу Николая	Юркову Светлану
Зигмана Григория	Нестерович Раису	

<p>Учредитель и издатель — БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса) Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно. Реклама и объявления публикуются бесплатно. Индекс издания — 09720 Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г. Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а Тираж — 2500 экз. Зак. №</p>	<p>Главный редактор Семен ВАЙНБЛАТ Редакционная коллегия: А.Креймер, Ф.Мильштейн Компьютерная верстка И. Глаголевский</p>	<p>Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Переписка с читателями — только на страницах газеты. Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать присланные материалы. Ответственность за точность фактов несут авторы</p>	<p>Адрес редакции: 65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79 Почтовый адрес: 65045, Одесса, а/я 110 Тел.: 737-40-12 E-mail: hesed.odessa@gmail.com www.hesed—odessa.com</p>
--	---	--	--